

ЕЛЕНА АЗОРЕШ

КРАСКИ АФРИКИ: НАРИСОВАТЬ СЕБЯ ЗАНОВО

Елена Азореш

Краски Африки:

нарисовать себя заново

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69583267

SelfPub; 2023

Аннотация

Идея этой книги родилась в момент, когда я мчалась по единственному приличному в Танзании шоссе вдоль красной реки Руаха. Я приехала в Африку без обратного билета и жадно впитывала здешнюю жизнь и ее простые, яркие краски. Меня переполняли азарт и ощущение, что я нахожусь в неведомой ранее параллельной реальности. За плечами остались 3 месяца душевного хаоса после ухода с высокой должности в международной компании. Эта была работа длиной во всю мою взрослую жизнь, а ушла я “в никуда”, не имея плана Б, да еще и в возрасте 45+. Близкие были шокированы фактом, что для перезагрузки я выбрала именно Африку, но признавались в слезах и мурашках от моих историй. Я побывала в африканских столицах и пожила в маленьких деревнях. Видела снег на экваторе, жирафов, бегемотов и львов. Но самое главное – я видела людей и их жизнь. Эта книга не просто про путешествия по Африке. Это зеркало для людей, находящихся в поиске своего пути: своего дела, своих талантов и жизненных смыслов.

Содержание

Пролог. Откуда это все?	5
Глава 1. Бирюзовая: сила творчества	8
В Африку с билетом в один конец	8
Про козла и папайю	12
Консервная банка и зеленый океан	15
Водоросли и революция	20
1. Что такое афро-соул?	25
Звуки мудрости или Пир во время ковида	32
Добыть флейту у военных	36
Африканский хостел: террористы или раненые?	40
Джош – побег через Австралию	45
Компьютерщик с задатками фермера	47
Как шифровался парамедик	49
Француженка из Эфиопии	51
Забор из пальмовых листьев	54
Каменный Город: арабо-индийский замес	58
Как пройти к библиотеке (зачеркнуто) океану?	64
Что такое таараб и Доу?	68
Красные булавки	74
Глава 2. Черная: прыжок в неизвестность	76
Калимба под датским флагом	77

Датский бизнес в перестроечной России	83
Бирюзовая организация наяву	87
Точка невозврата	91
Проститься...	94
Свобода свежеобретенная	96
Как запускается страх	99
Чёрная пустота вместо крыльев	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Елена Азореш Краски Африки: нарисовать себя заново

Пролог. Откуда это все?

Идея этой книги родилась в тот момент, когда я мчалась по единственному приличному в Танзании шоссе, вдоль красной реки Руаха. На мне было желтое платье-балахон в стиле «Мама Африка». Внутри булькала радость и странное чувство нахождения в параллельном мире. За плечами – месяцы душевного хаоса после ухода с высокой должности в международной компании. Эта работа длилась всю мою взрослую жизнь, а ушла я в “никуда”, да еще и в возрасте 45+.

Друзья и бывшие коллеги наблюдали за моим демаршем с недоумением и любопытством. Поработать еще несколько лет и дотянуть до пенсии – разве это не логично? Вместо этого я купила билет в Африку в один конец и начала записывать все, что со мной происходило – снаружи и внутри.

Меня всегда вдохновляли трансформации, когда люди решались пойти за своей мечтой, исчезали с радаров, пробовали, ошибались и находили. Или не находили, но все же ис-

кали. Мне было интересно, что происходило в их сознании в тот переходный период? Как менялось их окружение и образ жизни? В какой момент они понимали – это то, что нужно? Когда были готовы сдаться? Как собирали себя и двигались вперед?

Теперь у меня есть свои секретные данные на этот счет, и находятся они в этой книге. Я пишу ее для людей, находящихся в поиске себя и своего пути. Я делюсь в ней всей гаммой пережитых чувств, сомнений и озарений. Потому что верю, что для кого-то это важно, как когда-то было важно для меня.

И все же эта книга не только о самоопределении и о муках рождения моих творческих (и не очень) проектов. Она об Африке, которую я открыла для себя и которую полюбила всем сердцем. Африка подарила мне заряд радости и дух свободы и свела меня с удивительными людьми, которые изменили мою жизнь. Она дала мне краски, которыми я начала рисовать свою жизнь. Этим счастьем я не могу не поделиться.

Вначале мне казалось, что книга завершится непременно хэппи эндом и жирной точкой в виде финального решения. Оглядываясь на этот прекрасный хаос под названием жизнь, признаю: меня не накрыл успешный успех. Со мной произошло нечто более важное: я сумела прожить несколько новых жизней, о которых раньше даже не мечтала, потому что не позволяла себе мечтать.

Добавлю, что я не африканист и описываю все глазами путешественника и немного философа. Выросла в семье ученых-биологов, училась на лингвиста, маркетолога, управленца и коуча. Вырастила двоих сыновей и очень дружу с ними. Танцую сальсу и играю на гитаре и барабанах. Посетила 35 стран и никак не могу остановиться. В Африке я суммарно провела чуть более года: не так уж и много, но друзья уже называют меня “Лена Африка”. Я не возражаю.

Глава 1. Бирюзовая: сила творчества

В Африку с билетом в один конец

Я сижу на крыше с видом на Каменный Город, сердце Занзибара. Площадка обрамлена белой зубчатой стеной, похожей на кремлевскую, только зубчики эти полукруглые, а сама стена – метровой высоты. В прогалине между зубчиками рассматриваю крыши города – голубые, серые, рыже-ржавые. За ними просвечивает полоска океана: серое небо сливается с голубой сталью воды. Сегодня пасмурный день, что редкость для Занзибара. Все-таки середина февраля – это разгар лета.

«Аллаааааа» – звучит где-то близко голос. Начинается намаз. «Аллаааааа акбар», – слышу уже из другой мечети, а потом из третьей, четвертой, пятой.... Голоса сплетаются в фугу: кто-то только берет первую ноту, кто-то уже заканчивает фразу. Это музыкальное действо длится еще несколько минут: голоса муэдзинов возникают из пустоты в самых неожиданных местах, образуют многоголосье и так же внезапно замолкают.

Вид на Каменный Город с крыши Swahili House. Танзания, Занзибар. Февраль 2021.

Занзибар – остров мусульманский, это видно по одежде местных жителей. Мужчины носят рубашки ниже колен и шапочки, похожие на таблетки. Женщины и девушки ходят в длинных балахонах и похожих на колокол платках с вырезом для лица. Платки изготовлены явно из синтетической ткани. Непонятно, как в них можно ходить в 30-градусную жару с такой влажностью.

Я сижу в позе нахохлившегося воробья: плечи задраны и прижаты к ушам, будто жду какого-то подвоха. Как давно я в таком состоянии? Сутки? Месяц? Год? Уже все, можно вы-

дышать, дорогая моя. Дышу, наполняю легкие теплым влажным воздухом, впитываю в кожу вибрации молитв – и меня постепенно отпускает.

Беру в руки телефон: вот документ, над которым я работала последние пару недель. В нем я спланировала эту поездку как проект: цели, критерии успеха, маршрут, даже типаж фотографий и темы постов для социальных сетей. Не могла же я сюда ехать просто так, без плана, показателей эффективности и пользы для будущего. Пауза. Заношу палец над иконкой прекрасного плана и... отправляю его в корзину.

Еще один вдох. Еще три. Еще тридцать. Приходит странный импульс – или пока не оформленное в логику давнее желание. Палец очумел и не хочет останавливаться. Я открываю Букинг и... отменяю все предстоящие брони отелей. Все, что остается, это две ночи здесь, в Каменном Городе, в Swahili house. Послезавтра я решу, куда мне двигаться дальше. Хочу теперь так – дышать, слушать себя и планировать буквально на пару дней вперед. Интересно, куда меня это приведет?

Я должна была оказаться здесь ещё пять дней назад. У меня был удачно купленный билет: рейсов в разгар пандемии из Москвы было мало, а по стоимости они уверенно конкурировали с хорошими ноутбуками. Мне непременно нужно было прилететь на Занзибар к музыкальному фестивалю Sauti za Busara, я помнила о нем весь год. Вот только ровно на день вылета у меня была назначена вторая прививка: утром

прививка, вечером рейс. Мне было о чем беспокоиться: первая инъекция послала меня в трехдневный нокаут с температурой 34.5. Что будет, когда на вторую вакцину наложится 10-часовой перелет и климатический прыжок из московской зимы в африканское лето? Лететь без прививки? Не вариант. Мне стало страшно, и я сдала билет.

Как назло, организм мой вторую прививку просто не заметил. Три дня я ждала ухудшения, но была бодра и весела, как французский гусь. Может, все-таки еще успею на фестиваль? Набрав в поисковике комбинацию «Москва-Занзибар», увидела дешевый билет российским чартером. Билет был в один конец, а лететь надо было... на следующий день. Все сошлось. И вот я здесь: с сертификатом о вакцинации, который никому тут не нужен, но который нужен мне: перспектива заболеть в Танзании меня не радует. Тем более, что сама болезнь в этой стране как бы не существует, и лечение отсутствует.

Про козла и папайю

Во всей истории с ковидом 58-миллионная Танзания стояла особняком. В первые месяцы пандемии ситуация с заболеваемостью в Танзании не отличалась от соседней Кении. Затем в июне 2000 в стране прекратили тестировать на коронавирус, а заодно и считать больных. Официальное число заболевших навсегда замерло на отметке 509.

Отношение к “короне” в стране было скептическое. Мне рассказывали, что сначала танзанийцы не признавали сам факт такого заболевания (никакая это не болезнь, а заговор мировых империалистов). Затем скорректировали позицию: болезнь есть, но африканцев она не берет, потому что они сильнее европейцев и азиатов. А если и берет, то легко лечится традиционными средствами: лечебными травами, паровыми процедурами и смесью из имбиря и лука.

Протест против “белой” медицины был колоссальным: дело происходило на фоне движения Black Lives Matter. Отвергалось все. Под горячую руку попали и тесты на коронавирус. Президент Магуфули распорядился проверить их необычным способом: образцы для проверки взяли не только у людей, но и у животных и даже растений (о чем врачи, конечно, не подозревали). Когда коронавирус был подтвержден у дикого козла и у мирно растущей папайи, президент прилюдно высмеял эффективность западных тестов. Он по-

просил народ Танзании молиться об избавлении от напасти, уделять внимание физическому здоровью и делать паровые ингаляции с травами. После этого он объявил Танзанию свободной от “короны” зоной и... открыл страну для туристов.

Вакцинировать свой народ президент тоже не пожелал. Нельзя, чтобы танзанийцев использовали в качестве подопытных кроликов. Он назвал вакцины опасными и бесполезными, приведя убийственный аргумент: «Если бы белые были способны создать работающие вакцины, они бы уже давно нашли вакцину от СПИДа, рака и туберкулеза». Эту фразу я потом многократно слышала от танзанийцев – причем, каждый из них утверждал, что пришел к такому выводу самостоятельно.

На якобы свободную от “ковида” Танзанию с недоумением косились соседние страны, успевшие закрыть границы и посадить людей на карантин. На занзибарские же пляжи потянулись туристы. Когда в августе 2020 Россия объявила это направление разрешенным для выезда, запросы на Танзанию (а заодно и на принадлежащий ей остров Занзибар) выросли в сотни раз. В октябре же случилось неслыханное чудо: на Занзибар полетели российские чартеры, высаживая по 400-500 туристов в день. Русских тут сроду не видели, а теперь их появилось столько, что занзибарцы начали срочно учить русский язык.

Можно по-разному относиться к парадоксальным взглядам и методам ныне покойного президента Магуфули. Одно

очевидно: открыв страну для туристов, он спас своих людей от нищеты. Конечно, гости привозили и вирус – при въезде на тот момент не требовали никаких тестов, только измеряли температуру. Некоторые танзанийцы начали сомневаться в иммунитете целой нации от этой заразы: они стали замечать, что их соседи и знакомые начали больше болеть и даже умирать. Другие же продолжали утверждать, что пандемии нет. Паники в стране не было. Как еще могли относиться к этой болезни в стране, где есть малярия, смертность от которой достигает 40%?

Итак, президент распорядился не носить масок и победно разрешил проводить массовые мероприятия, одним из которых стал музыкальный фестиваль “Саути за Бусара” в Каменном городе Занзибара.

Консервная банка и зеленый океан

Вода невозможного зеленого цвета, слепящая белизна песка и скрип качающихся на волнах традиционных лодок-катамаранов: такой была моя первая картинка Занзибара. Вернее, вторая.

Бирюза Индийского океана. Танзания, Занзибар. Февраль 2021

Первой была раскаленная жестянка аэропорта, в котором я провела часа два (новый международный тогда еще не достроили, а старый захлебывался, пропуская через свое тесное тельце сотни пассажиров пузатого Боинга). Дышать было нечем: кондиционеров, конечно, не было и в помине.

Для получения танзанийской визы люди стояли в трех разных очередях. Багаж после этого предлагалось искать самостоятельно, дефилируя вдоль выстроенных в ряды сотен чемоданов различных мастей: хммм, это мой? Возможно, но это не точно.... Преодолевших эти препоны счастливичиков ждал новый челлендж: “труба” безопасности. Да-да, проверка при выходе из аэропорта, а не при входе. Seriously? После всех лишений при вылете? После прогулок в одних белых носках сквозь железную рамку и горьких слез из-за выброшенного в ведро черничного смузи? Не иначе, местные секьюрити подозревали нас в чем-то ужасном. В чем именно? Что мы смастерили взрывчатку из бонусного коньяка и арахиса в туалете? Или что мы пытались провезти “дурь” в страну, где она и так есть на каждом углу? Непонятно.

Процесс доказательства своей непричастности к терроризму был сделан максимально мучительным: черный туннель правды существовал в единственном числе на весь аэропорт. Сотни пассажиров зазмеились к нему очередью – и начали забрасывать свои сумки в его чрево. Самые смелые успевали за время ожидания отбежать и решить еще две важных задачи: обменять доллары на местные шиллинги

и купить местную сим-карту. Вот там-то сервис был почти безупречным: плавные женщины в мусульманских одеяниях медленно, с достоинством ставили всем желающим карту местного оператора Зантел. Всего двадцать долларов за две недели или тридцать долларов за три. Три недели пойдёт, вряд ли я останусь тут дольше.

Фух, и вот я снаружи. Устало пробиваюсь с фиолетовым чемоданом через толпу водителей и турагентов в белых рубашках, с белыми же табличками в руках, чтобы найти своего. Внутри – бездна усталости и раздражения. Час в такси по колдобинам – и вот я на восточном берегу. Вижу белые восковые цветки франжипани, бирюзовую бесконечность воды, ослепительно белый песок и... все им прощаю: и этот чудовищно неустроенный аэропорт, и ту самую издевательскую чёрную трубу на выходе, и дырки на дорогах.

Это было год назад. Сейчас я уже знала место, в которое лечу: я не могла забыть его весь год.

Занзибар – это остров, своей формой похожий на ныряющего бегемота. К востоку от острова и до рифов тянется плоское песчаное дно. Когда океанская вода тянется за Луной и следует за ней, у океана случаются приливы и отливы. Он то поднимается вверх на три метра – и тогда бирюзовые волны подбираются прямо к пальмам и хижинам, то уходит прочь – и тогда вы видите перед собой два километра белого песчаного дна с водорослями и морскими звездами. Так дышит океан дважды в день, шесть часов на вдох и столько

же на выдох. Я десятки раз наблюдала за этим явлением и фотографировала его – каждый раз поражаясь и удивляясь. Скоро я научилась угадывать время отлива по затишью, а прилива – по бризу, даже не видя океан. Местные ребята научили меня.

*Когда океан убежал на километр. Танзания, Занзибар.
Февраль 2021*

Жить рядом с океаном значит быть частью природы с ее мудростью и цикличностью. Это хорошо для философов

вроде меня, а если приезжаешь на Занзибар с целью наплаваться вдоволь, то вид убегающего океана удручает: половину дня в океан невозможно зайти просто потому, что его рядом нет! Но есть выход: пляжи на северо-западе острова. Там дно океана уходит резко вглубь, и гуляющий вверх-вниз уровень воды не обнажает дно настолько радикально. Поэтому созерцателям я от души рекомендую поселиться на востоке острова в деревнях Джамбиани или Падже, а любителям идеальных пляжей лучше сразу ехать на север, в Кендву. Там будетлюдно и шумно, но океан с 30-градусной бирюзовой водой гарантированно будет при вас.

Водоросли и революция

Утро. Сажу на берегу, наблюдаю любимый отлив. Вижу женщин, медленно шагающих вдоль океана в длинных цветастых платьях. В руках у них веревки, палки и плетеные корзины. Прямо в этих платьях они заходят в океан и долго бредут к каким-то зеленым островкам. Там сейчас глубина по колено, не больше. Женщины наклоняются, что-то рассматривают и начинают ковырять под водой, не обращая внимания на намокшие подошвы.

Оказалось, что на дне морском плантация... водорослей. Выращивают их особый вид – ярко-салатового цвета, по форме напоминающие кораллы. Гигантские приливы и отливы делают этот бизнес возможным. Пучок таких водорослей привязывают к палке, которую потом ввинчивают в песок океанского дна. Рядом ставится другая палка, и еще одна. Плантация может представлять собой частокол из тридцати-пятидесяти рядов палок с пучками водорослей. Во время прилива огород заливается водой, во время отлива – обнажается. Через полтора месяца урожай подрастает, его собирают, а на место ушедших товарищей сажают молодые пучки.

Эти водоросли можно есть: на вкус они напоминают хрустящие соленые огурчики. Говорят, они чудесно действуют на мужскую силу и энергию, но проверить это не удалось. Зато удалось убедиться в их косметических свойствах: на Занзибаре есть заводик элитной косметики, который называли Mwani (что и означает “водоросли” на суахили). Здесь водоросли сушат под навесами – и они становятся фиолетовыми. Затем измельчают и смешивают с мыльной основой – а когда она застывает, режут на куски металлической нитью, вручную обрезают острые углы, ставят штамп, заворачивают в пальмовые листья и дают отстояться в холодильной камере. Потом это ароматное чудо экспортируют либо продают в местные пятизвездочные отели.

Основали проект европейцы в 90е годы. Только они не знали тогда, что проект запустит настоящую социальную революцию на острове. Дело в том, что традиционно в мусульманских семьях Занзибара женщины не работали и по понятным причинам были полностью зависимы от мужчины в семье. Для работы на плантациях и на фабрике требовались женщины. Мужчинам было чуждо это занятие – ввинчивание палок в песок, стоя по щиколотку в воде. А женщинам оно подошло.

Идея нового “женского” бизнеса была воспринята мужчинами в штыки. Им не нравилось, что их жены куда-то уходили из дома и зарабатывали собственные деньги. Еще боль-

ше им не нравилось то, что с работы женщины возвращались усталыми и совсем не поддерживали романтические порывы супругов – те даже шутили, что это новая программа по ограничению рождаемости.

Но женщин было не унять. Постепенно “водорослевый” бизнес стал символом освобождения женщин на острове. Ранее они покидала дом разве только для посещения родственников, свадьбы или похорон. Изоляция женщин от внешнего мира отражалась и в архитектуре традиционных мусульманских жилищ: рядом с домом всегда были большие каменные скамейки, на которых хозяин дома мог беседовать с гостями, не приглашая их внутрь дома (чтобы лишний раз не знакомить жену с чужаками). А тут, представьте себе, женщина уходит на работу за пределы своей деревни и работает на дне морском под пристальными взорами всех окружающих и прохожих. В домах кипели страсти почище мыльных опер. Многие мужья грозили своим женам разводом. И разводы действительно были!

Дальше – больше. Для продажи “товара” женщинам понадобилось самостоятельно ездить на рынки в другие города, что было вообще неслыханно, ведь раньше покупками на Занзибаре занимались исключительно мужчины. На фабрику стали водить туристов, проект привлек журналистов, статьи о Mwanі появились во многих блогах и даже на BBC. “Океанские огородницы” стали почти звездами. А еще они стали состоятельными дамами теперь они могли позволить

себе купить и мебель для дома, и школьную одежду для детей, и даже мотоцикл. А все началось с водорослей.

Я купила два кусочков мыла с водорослями на заводике Mwanі. Они добавили туда ароматические масла, завернули кусочки мыла в пальмовые листья и перевязали бечевкой. Точно такой же, которая держит молодые пучки водорослей на дне морском. Я выбрала запахи корицы и лемонграсса. Эти пахучие кусочки сейчас лежат передо мной и напоминают мне о Занзибаре, когда-то известном как Остров Специй.

1. Что такое афро-соул?

Я поняла: мне нужна гитара. Я не знала еще, что буду играть, просто захотелось перебирать струны и творить нечто созвучное окружающей красоте. Попросила о помощи хозяев гостиницы, они кому-то позвонили, а этот кто-то позвонил кому-то еще.

Канал обмен информацией через друзей, соседей и знакомых в Африке многократно мощнее и важнее интернета. Самое вопиющее свидетельство этого факта – местные таксисты. Работает это так. Я сажусь в такси и называю место назначения. Таксист радостно кивает: конечно, он прекрасно знает, куда и как меня везти. Когда же мы подъезжаем к населенному пункту, начинает происходить нечто странное. Таксист подруливает к группе мужчин, сидящих на обочине, и о чем-то спрашивает. Ответ приходит в форме разнонаправленных жестов. Таксист кивает и едет дальше. Через 100 метров ситуация повторяется, при этом водителю велят ехать в обратном направлении. Вначале я еще надеюсь, что он уточняет не адрес, но потом понимаю: зря надеюсь. Еще через сто метров происходит еще одна сверка с информационным полем деревни – после чего водитель обескураженно разворачивается ко мне и говорит: “Такого отеля здесь нет”.

Тут наступает мой звездный час: я вынимаю из рюкзака планшет с закачанной на него картой Танзании. Печатаю на-

звание места: красный флажок показывает, что объект всего в паре километров. Одно касание – и пунктир маршрута ведет нас по песочной дороге между серыми каменными домами. Водитель с сомнением поглядывает на указания навигатора, но следует им – и скоро мы приезжаем. Если вы думаете, что водителя нет доступа к онлайн картам, то ошибаетесь. У каждого есть смартфон, который используется для чего угодно (например, для просмотра фильмов и роликов прямо во время движения), но не только не для Гугл карт. Видимо, это некое репутационное табу. После двух-трех таких бесплодных поездок с петлянием по поселкам я стала заранее строить маршрут на своем устройстве и настойчиво предлагать водителю с ним сверяться. Это сэкономило мне много часов жизни.

Но в случае с гитарой занзибарский “интернет” сработал безупречно. Через 2 часа у меня в руках телефон музыканта, готового расстаться со своим инструментом в обмен на 10 тысяч шиллингов в день (это около 300 рублей). Через 2 минуты мы договариваемся, где и как я могу ее получить. Парень вызывается лично привезти мне гитару – видимо, очень нужны деньги.

Спустя пару часов передо мной стоит темнокожий красавец в небесно-голубой рубашке, красной бандане и черных очках. Его зовут Ричи, хотя по паспорту он Салум (так называл отец, но он не согласен). Забираю гитару, а он не уходит. Предлагаю поиграть вместе, парень широко улыбается:

конечно!

Начинаю я. Мой выбор по умолчанию – “More than words”, лучшая песня всех времен и народов (по крайней мере, для меня – из-за нее я и научилась играть на гитаре 3 года назад). Передаю ему гитару: может быть, сыграем что-то из классического рока?

– Я не пою каверы.

– Что, и не знаешь даже?

– И не знаю.

– А что же тогда ты поешь?

– Свои собственные песни. Сыграть?

– Давай.

Я заинтригована. Африканская музыка разве это не бесшумный ритм барабанов и радостные пляски? Как это соотносится с гитарой? Ричи берется за струны: слышу грусть и нежность. Голос сильный, чуть сиплый. Наверное, так звучала бы необработанная терракотовая земля с песком, если бы умела петь. Не понимаю ни слова на суахили, но ощущаю позвоночником, что песня о любви, в которой не все благополучно.

Какой красивый язык. Что значит “mooyo wangu”?

– Сердце мое. Мою – это “сердце”.

– А tuongo?

– Это значит ложь.

– И о чем эта песня?

– «Не лги, будто любишь меня».

– О, гневная песня. А так не скажешь.

– Я не пишу злых песен. Музыка нужна для исцеления.

– Расскажи, что это значит?

– Я хочу писать песни, в которых мои современники узнают себя и свою реальную жизнь. И поймут, что их не одни.

– Здорово. А как ты пишешь песни? Сначала стихи, потом музыку, или наоборот?

– Все начинается с чувства, – он кладет ладонь на сердце. Я сижу на берегу, перебираю струны и подбираю аккорды, которые созвучны этому чувству. Что-то появляется. Потом приходят первые слова, и я их напеваю под эту мелодию. Иногда все заканчивается одной строчкой, иногда получается целый куплет. Бывает, что второй куплет я сочиняю только через месяц.

Я вспомнила, что недавно смотрела курс о создании песен. Там был описан знакомый мне стратегический подход: сформулировать основные “посылы” песни, продумать ритм и тип рифмы, построить тексты куплетов так, чтобы смысл и чувства раскрывались постепенно, по нарастающей. Оказывается, можно сочинять и вот так: просто от импульса, от сердца.

Ричи играет новую мелодию и смотрит на меня.

– Пой, – говорит он.

– Что петь? Я же не знаю этой песни. И тем более твоих слов на суахили.

– Это неважно, просто пой как поется.

Я осторожно беру голосом несколько первых нот, следя за его левой рукой и пытаюсь предугадать ход мелодии. Это бесполезно: он пользуется креативными аккордами, тональность которых я не считываю. Тогда я закрываю глаза и пытаюсь ощутить мелодию в теле. Я чувствую, как в центре моей груди сидит чистый, теплый камертон. Когда мой голос попадает в гармонию музыки, он отзывается вибрацией удовольствия. Когда не попадает, я продолжаю гудеть дальше, чтобы поймать нужный звук, и временное напряжение снова перетекает в легкость и кайф. Я пою свободно, естественно.

Через пару минут моих безбашенных экспериментов ко мне подстраивается и Ричи. Он тоже импровизирует. Двойная неопределенность! Это уже похоже на полёт с горы на дельтаплане, когда страх высоты и неловкого движения смешан с восторгом парения, когда перед тобой открываются пейзажи немыслимой красоты, а тело гудит от радости и со звуча с миром.

В этот момент я замечаю, что гости и хозяйева отеля (мы сидели на террасе) смотрят в нашу сторону: “Как давно вы вместе поете?” Давно. Целых двадцать минут.

Когда песня закончилась, я замолчала, пытаюсь понять: что это было? Может быть, это и называется «чувством потока»? Это разрешение себе петь свободно, а не как надо. Это позволение отпустить контроль и желание быть правильной. Чтобы просто наслаждаться течением.

Сейчас я понимаю, каким значимым был для меня этот

момент. Внутри меня вылупилась что-то новое: бесстрашие, желание пробовать и творить в моменте. Пусть в рамках одной мелодии, в рамках одной террасы, одного восточноафриканского острова, но это было. Какое это освобождающее, расширяющее ощущение – не думать о логике и смысле, а исследовать абсурдное сочетание звуков и находить гармонию. Станным было и ощущение гармонии и мгновенного взаимопонимания с человеком, которого не знала еще полчаса назад. Музыка соединяет, иначе и не скажешь.

Удивительным оказался и путь Ричи в музыку. Он вырос в городке Багамойо на материковой части Танзании. Когда ему было пятнадцать, его мать умерла от воспаления легких, и воспитывала его тетя вместе с четырьмя своими детьми. Жили очень бедно. Когда настал момент решать, куда идти после школы, его определили в медицинский колледж, но через два месяца он оттуда ушел. А еще через месяц он договорился с одним лодочником, чтобы тот перевез его на остров Занзибар: прослышал от друзей, что там всегда можно найти работу. На Занзибар он плыл посреди тюков с картошкой и помидорами. В первый же день он сел играть на гитаре перед входом в занзибарскую музыкальную академию. Знал он на тот момент всего три аккорда, но песня получилась цепляющая. Проходящий мимо человек пригласил его внутрь – он оказался директором этой школы. Через день он предложил ему учиться в академии... бесплатно. Так он стал музыкантом, а Занзибар стал его вторым домом.

Эта встреча с Ричи произошла год назад, а потом я вдруг узнала, что он будет выступать... на том самом “Саути за Бусара”, фестивале моей мечты. Как будут звучать с большой сцены его камерные песни, созданные под дыхание океана?

Звуки мудрости или Пир во время ковида

«Ты выступаешь на “Саути”? Да ладно!» – эту фразу я произнесла дважды. Моим друзьям-музыкантам несказанно повезло: понадобилась срочная замена исполнителей на известнейшем фестивале Восточной Африки, а они оказались в запасном списке. Звезды из ЮАР, Ганы и Гамбии не смогли пересечь границы своих государств из-за карантинных ограничений. На их место пригласили “своих”, и в итоге 11 из 14 выступающих были местными. Среди них – о чудо – оказались Джон и Крис.

Судьба этого грандиозного события была под вопросом почти до последнего момента. В мире бушует пандемия (которую Танзания, напомним, старательно игнорирует). Приедут ли в итоге зрители? Разрешат ли собираться большой фанатской толпой в условиях социального дистанцирования? Смогут ли приехать все артисты? И наберется ли достаточное количество спонсоров, чтобы оплатить это мероприятие?

Когда стало очевидно, что зрителей не набрать, а список исполнителей тает, организаторы сократили масштаб мероприятия. Вместо четырех дней – два. Вместо двух больших площадок – одна компактная. Да и слоган для этого фестиваля подобрали дерзкий и жизнеутверждающий: Alive and

Kickin' ("Жив курилка!")

До пандемии маленький Занзибар принимал несколько фестивалей в год. В июле сюда приезжали звезды на кинофестиваль Zanzibar International Film Festival. Сентябрь привлекал молодых авторов из Восточной Африки на литературный Jahazi. Сразу за ним проходила Неделя Моды, а потом начинался гедонистический Фестиваль еды суахили. И все же самым колоритным всегда считался музыкальный праздник Sauti za Busara. Название его переводится как "звуки мудрости", но для меня это были звуки радости.

Место действия: старинный португальский форт. Внутренний двор переделан под сцену и зрительный зал, слева и справа возвышаются мощные десятиметровые стены серого цвета с уже знакомыми мне полукруглыми зубчиками. Прохожу через лавочки, маски, фигурки из черного дерева, кожаные браслеты и почему-то китайские платья. Ныряю через арку к сцене – и меня обдает волна густого, сильного звука.

«Zanzibar, are you readyyyyyyy?» – вопрошает со сцены парень с эффектными дредами до плеч.

«Yeeeeeeeeeeeah!!!» – шумит пятитысячная толпа. Прямо перед собой вижу блондинку, сидящую на плечах шоколадного парня и размахивающую флагом Танзании. Рядом трое девушек в фирменных футболках фестиваля синхронно шагают и двигают бедрами. "Хочу такую же майку с гитарой в форме Африки", – думаю я, а сама змейкой пробираюсь к сцене. Это непросто: люди стоят плотно. Социальной ди-

станционирование здесь никому неизвестно, а маски не используются и подавно.

На сцене появляется мускулистый мужчина в красных штанах и с обнаженным торсом. На голове его красуется высоченная желтая шляпа заостренной формы. Она похожа на шпиль готического собора и чудом держится на его верхушке. Время от времени он падает на колени и воздевает к небесам золотой жезл. Мелодия циклически повторяется, при этом громкость, густота и напряженность звука нарастают, как волны при шторме. От этой ритмичности тело и ум погружаются в транс: хочется слушать эту мелодию в двадцатый и тридцатый раз. Но больше всего цепляет голос солиста: мощный, тревожный, скрипучий, первобытный. Звучит как племенная молитва богам. Это бэнд из Лесото. Я слушаю их до конца, не в силах сдвинуться с места. Шаманы, не иначе.

Я жду Ричи. Он выходит с бэндом: в его составе есть даже перкуссионист и саксофонист. От первых же звуков у меня бегут мурашки: я знаю эту песню. Это та самая мелодия без слов, под которую я пела, управляемая внутренним камертоном. А теперь у этой песни есть слова: значит, муза все же посетила его! “Keeeeeshooooo” – звучит вторая песня, мощная и ритмичная. Это слово на суахили я узнаю безошибочно: kesho значит завтра. Толпа прыгает и подпевает ему. Саксофон переводит страсть музыкантов и толпы в тягучие, стоящие звуки. «А эта песня будет о наших планах на будущее

и наших мечтах»— говорит он и зажигает ритмы самбы. Горячий перкуссионист стучит на пяти африканских барабанах одновременно и извлекает серебристый звук из висящих металлических трубочек. Ого, Ричи, ты можешь и так! Как же он преобразился за год: шагает по сцене уверенно, успевает о чем-то договариваться с ребятами на сцене, управляет построением толпы одним жестом правой руки, завораживает своим голосом с призвуком песка.

Бегу за вожделенной футболкой с Африкой-гитарой. Купив, тут же натягиваю ее на себя и вижу парня с флейтой в руках. Сначала я узнаю флейту, потом его.

— Крис, это ты? Ой, ты же сегодня тоже должен был выступать. Я опоздала, что ли?

— Я был первым, открыл фестиваль, всех разогрел!

— А это та самая флейта?

— Да, та самая, от Светы. А ты здесь надолго? Через неделю в академии Доу концерт, я играть буду. Приходи.

— Не знаю, где буду через неделю, но запомню.

— Кстати, классная футболка.

— Спасибо, охотилась за ней весь вечер, — я похлопала себя по гитаре-Африке где-то в районе пустыни Сахара.

Добыть флейту у военных

Света – это моя боевая подруга по исследованию острова Унгуджа (настоящее название Занзибара) годом раньше. Мы знаем друг друга сто лет: когда-то мы вместе работали в датской компании, а потом она стала замечательным коучем и автором книги. Именно у нее я училась “Чистому Языку”, моему любимому методу коучинга.

До сих пор не знаю, чем именно я ее воодушевила, но она спонтанно рванула со мной в Африку посреди плотного рабочего графика. Так и сказала мне: “Лена, решено, я лечу с тобой! На тот же рейс не смогла взять билеты, так что встречай меня”.

На третий день нашего вояжа мы оказались в отеле, состоявшем из множества хижин с банановыми листьями вместо крыши и окнами без стекол. Клумбы были оторочены частоколом из бутылок попками вверх, а рядом с забором гордо красовались вкопанные в землю... унитазы с декоративной раскраской. Местный дизайнер был большим юмористом либо просто слишком долго слушал регги. Регги тут звучало повсюду, а с плетеных стен шалаша-ресепшена (там, где предполагается размещать фотографию правителя страны или на худой конец владельца отеля) на нас смотрел сам Боб Марли, главный растаман всех времен и народов.

Вечером в этом модном отеле был заявлен концерт и

джем-сейшн с местными музыкантами. На микро-сцену под шатром вышли гитарист, барабанщик джембе и длинноволосый парень с флейтой. Исполнив несколько песен, они начали приглашать зрителей к ним присоединиться. Света решительно шагнула под свет цветных рампы: “Ребята, я спою русскую песню, вы ее не знаете. Но вы же подберете аккорды?” И запела она... Земфиру. Голос у Светы чистый, звонкий, летящий. Музыканты на сцене, конечно, не могли даже предугадать ход мелодии, но они начали подстраиваться к ней, импровизируя с аккордами и создавая диковинные гармонии. Музыкальная фантазия местного бэнда выдала мелодию, не имеющую ничего общего с оригиналом, но это было уже неважно. На шестом градусе Южной широты, посреди Индийского океана, в мире суахили звучало “Знаешь, каждую ночь я вижу во сне море”.

Скоро Света переключилась на Гребенщикова, а бэнд продолжал творить свою альтернативную аранжировку. Оригинал знали только мы с ней, а все остальные придумывали на ходу. Гитарист подбирал аккорды, перкуссионист экспериментировал с ритмом, а флейтист (это и был Крис) плел узор мелодии, подстраиваясь к голосу Светы. Не было соперничества, не было стремления быть правильными. Была радость со-творчества и внутренняя свобода.

На следующий день мы мчались в Каменный Город в такси, похожем на микроавтобус. С нами ехал тот самый Крис и бережно держал в руках футляр с этой флейтой. Он взял ее

на пару дней у музыканта военного оркестра – нелегально, конечно, потому что на казенных инструментах не полагалось наживаться. Но это здесь обычная практика: музыканты часто отдают свои инструменты в аренду, чтобы заработать, потому что на одном сочинительстве и выступлениях не проживешь.

И вот мы едем, и Света вдруг спрашивает:

– Крис, а сколько стоит эта флейта?

– 10 тысяч шиллингов в день.

– Это если арендовать, а если купить?

– Я не знаю, продает ли ее этот военный.

– Ну все-таки сколько она может стоить? Ты же знаешь местные цены.

– Думаю, долларов сто.

– Знаешь, я хочу тебе ее подарить.

Крис сжал флейту и очень странно посмотрел на Свету.

– Но...

– Я не шучу. Я вчера пела с тобой и видела, как ты играешь, ты творишь что-то невероятное. Она должна быть твоей.

– Спасибо. Но этого не может быть. Это очень дорогой подарок.

– Поверь, это лучшее в моей жизни вложение ста долларов.

Флейту он выкупил у того военного через месяц после нашего отъезда со славного острова. Крис записал видео

для своего мецената, на котором трогательно сыграл «I will always love you». И вот этот инструмент дошёл до самого большого фестиваля Восточной Африки! На сцене Sauti za Busara Крис выступал с красавицей флейтой. Своей.

Африканский хостел: террористы или раненые?

Фестиваль закончился. Бронь отеля тоже. Пора уезжать из Каменного города – только вот куда? Для начала неплохо было бы найти место для жизни. «А что, если пожить в настоящей африканской деревне или... в хостеле?» – размышляла я, разглядывая такие варианты жилья на Букинге. Я никогда прежде не останавливалась в хостелах. Ни в Европе, ни в Азии я не соглашалась на снижение планки приватности. Чуткий сон и желание спокойно ходить по комнате в одних трусах было важнее экономии. Тем более хостел в Африке должен быть совсем ужасным, думаю я и все же открываю страницу заведения. Выглядит неплохо, но там есть только общий номер для женщин и мужчин. К такому авантюризму я не была готова... первые десять минут. Потом появилось любопытство: что если попробовать?

Что за люди будут со мной жить? А вдруг они курят или что похуже? Не ограбят ли меня? Есть ли там нормальный душ? Страхов много, но приключение есть приключение. Бронирую на два дня: ничего, переживу. Если будет плохо, уйду и отосплюсь в другом месте.

Хостел оказался вполне приличным одноэтажным домиком прямо на берегу океана. Аккуратный дворик весь в цветах, посреди дорожки лежит чей-то кайт, под навесом диван-

чики с дизайнерскими подушками. Нищетой и не пахнет. Ко мне подбегает парень и от души улыбается: он владелец заведения и заодно менеджер по расселению. Неподалеку сидят его жена-итальянка (сам парень местный, танзаниец) и двое их детей.

Вхожу в комнату и попадаю в воздушное завихрение: на потолке два вентилятора, с двух сторон окна. Комната продувается, какая невероятная удача для этих жарких дней! Справа и слева стоят по три кровати с москитными пологами. Никаких двухэтажных “нар”, расстояние между лежбищами адекватное, я немного успокаиваюсь. В комнате пусто и тихо, на трех кроватях лежат вещи. Выбираю самую дальнюю от входа пустую кровать,двигаюсь к ней и мысленно молюсь: пусть в этой комнате будет еще одна девушка!

– Привет, ты новенькая? – звучит низкий мужской голос из пустоты, и я вздрагиваю. Только теперь замечаю, что на одной из кроватей, под мутным москитным пологом лежит кто-то длинный в бежевых шортах.

– Новенькая, и это мой первый хостел. Я надеюсь, тут есть хотя бы одна девушка?

– Пока нет, только прекрасные джентльмены, – парень говорит спокойно и иронично. – Меня зовут Конрад, я из Польши.

– И давно ты здесь?

– Здесь в хостеле? На Занзибаре? В Танзании? В Африке?

– Ну... везде.

– Начну с конца. Мне нужна была перезагрузка, и я подумал о Занзибаре, потому что был здесь пару лет назад. Но решил сначала пожить в Моши у горы Килиманджаро, а потом уже сюда. Здесь я почти две недели, но скоро возвращаюсь в Польшу. К несчастью.

– Тут... безопасно?

Я мысленно просканировала содержимое своего рюкзака: паспорт, пачка наличных долларов, еще более толстая пачка танзанийских шиллингов, кредитные карты, планшет, фотоаппарат с модными объективами. Где все это хранить, уходя на пляж, в магазин или просто на завтрак? Неужели таскать с собой? Охраны на входе нет. Мебели тоже нет: не заметила я ни шкафчиков, ни сейфов, чтобы спрятать вещи и документы. Есть только открытая плетёная полка, на которой все и хранят вещи, цепляя в том числе провололочные вешалки. На краю полки, посреди мужских вещей, одиноко лежит кружевной лифчик и большая соломенная шляпа. Как потом выяснилось, их забыла дама из Италии.

– Тут абсолютно безопасно. Я оставляю на кровати свой ноутбук, документы и деньги. Никого не грабят. Я не знаю, как и с кем договариваются хозяева хостела, но это так.

– Ну, а...соседи по комнате?

– Здесь безопасно, – спокойно повторил он. Тут хороший народ останавливается, такие же путешественники, как ты и я. Увидишь. Ты, кстати, откуда?

– Отгадай!

– Ну, если судить по акценту, то ты англичанка или голландка. Если по внешности, то... все же англичанка.

– Двойка тебе, Конрад, – смеюсь я. Я в тебе сразу же брата-славянина признала, а ты девушку из соседней страны не узнаешь.

– Эй, нет у тебя славянского акцента.

– Русская я. Елена.

– Рад знакомству, Елена. Добро пожаловать в нашу интернациональную банду.

Второго члена «банды» я увидела через час. На койку уселся смуглый парень с длинными иссиня-чёрными волосами, закрепленными в петлю резинкой. Выглядел он подозрительно: на нем были надеты кожаные куртка и штаны (это в тридцать-то градусов липкой жары). Козырек кепки скрывал его глаза. «Похож на пакистанского террориста» – подумала я и на всякий случай проверила, как поживают мои доллары, свернутые в трубочку и запрятанные в носок. Через день мне стало ужасно неловко за эти мысли, а сейчас тем более. Сами (так звали парня) оказался добрейшим и деликатнейшим существом. Честным и порядочным настолько, что я могла ему доверить не только пачку валюты безо всяких носков, но и собственную безопасность.

Третьего «сокамерника» я смогла оценить только на следующее утро: на соседней кровати под пологом сопел блондин. Наверное, он вернулся глубокой ночью и теперь отсыпался. «Hi, good morning» – слышу я и поворачиваю голову.

Голубые глаза и застенчивая улыбка. Я только-только начала подозревать, что передо мной еще один славянин, как он упредительно впечатал: «Я Джош, из Германии».

С этого момента мои глаза постоянно слезились, а рёбра ужасно болели – от смеха. Не помню, когда ещё я столько хотела. Мы ходили везде вчетвером, плавали на лодке на километр от берега, к самому краю рифа, смазывали ожоги от медузы, рассказывали анекдоты и комичные истории из жизни, танцевали под традиционную музыку Мтукузи, кривлялись на фотосессии, гуляли по дну океана во время гигантского отлива и наблюдали за крошечными змеистыми морскими звёздочками.

По вечерам мы сидели за деревянным столом, уплетая космически вкусные морепродукты на гриле и рассказывали друг другу свои истории жизни. Я узнала, что в этой точке пространства сошлись уязвимые, внутренне «раненные» люди, наделавшие в жизни ошибок, пережившие разочарование в близких, стоявшие в какой-то момент на краю бездны. Эти люди теперь искали новые векторы для своей жизни, нащупывали внутри себя новые смыслы – там, где совсем недавно была пустота. Открытые и лучистые, они открывали себя заново через путешествия. Прямо как я.

Джош – побег через Австралию

Мы сидели с Джошем за низким деревянным столиком с видом на марсианский пейзаж отлива: песчаное дно и водоросли. Завтрак был обычным, как во всех отелях острова: свежавыжатый сок манго, тарелка с кусочками арбуза и ананаса, омлет, два тоста и растворимый кофе.

– А ведь год назад в это время я жил в Австралии, – неожиданно начал он.

– Ого, как ты там оказался?

– Мне нужно было куда-нибудь уехать. Просто в тот момент все достало: работа, учеба и особенно отношения. Я продал все, что у меня было, купил билет в Сидней и в итоге остался там жить на полтора года.

– Так плохо было?

– Мне вообще было плохо постоянно, сколько себя помню. Лет в десять чувствовал себя полным тупицей и неудачником, учеба вызывала у меня отвращение, а мама ни о чем слышать не хотела и давила на меня. В итоге я зашёл в депрессию – это в десятилетнем возрасте-то, представляешь?

– Не представляю. И как же ты справился?

– Попросился к отцу, он тогда жил в Швейцарии. У него не было времени со мной возиться и тем более меня контролировать. Он просто отпускал меня и говорил, что я со всем справлюсь. Я не верил, но и правда справился.

– И потом вернулся в Германию?

– Да, и зря. Колбасило меня потом очень. Вот поверишь, что я был наркоманом?

– Да ладно. – я посмотрела на его полудетское лицо и голубые глаза ангела.

– И не только, и продавал наркоту. Теперь все позади, но я был реально плохим парнем.

– А почему ты здесь? Опять хочется все поменять?

– Нет, просто хотел новую страну посмотреть. Я тогда в Австралии понял, что нельзя себя насилловать. Надо ценить и слушать себя. Вот я послушал и в Африку приехал. А ещё послушал и поменял профессию. Вместо инженера стал садовником, учусь на ландшафтного дизайнера.

– Тебе нравится?

– Это кайф, совсем другая жизнь. А все началось с Австралии, я там помогал одной семье с их садом. Видишь, все не случайно.

– Как много ты всего испытал. А сколько тебе лет, если не секрет?

– Двадцать четыре.

Такая еще короткая жизнь – и столько кризисов уже произошло в жизни парня.

Компьютерщик с задатками фермера

С возрастом Конрада я тоже ошиблась: он казался мудрее и старше своих лет. Высоченный, худой, ироничный, невозмутимый. На плече его – старый глубокий шрам, как будто кто-то срезал бритвой длинный лоскут кожи. Понимаю, что это не просто несчастный случай, но Конрад не хочет рассказывать подробности. Хорошо, пусть прошлое останется прошлым.

– Вижу, ты постоянно за компом. Работаешь?
– Да, я уже два года вот так, на удаленке.
– Ясно, айтишник значит.
– Сейчас да, эксперт по базам данных SQL.
– Вот как, я смутно знаю, что это такое.
– И я не знал. Но когда искал работу, увидел в объявлении, что им нужен специалист по SQL. Я быстренько откликнулся на вакансию, хотя понятия не имел, что это такое. Они меня тут же пригласили на собеседование...

– И как же...
– Сказал им, что готов встретиться через неделю, а пока ужасно занят. На эти семь дней обложился учебниками и курсами по SQL. Этих знаний хватило, чтобы пройти первое собеседование, а потом я уже доучился в процессе работы. И вот теперь я работаю и путешествую по миру.

Меня поразила эта история. Вот что значит верить в се-

бя! Действительно, очень многое можно изучить и подтянуть всего за неделю!

Недавно мы с ним созвонились. Выяснилось, что теперь Конрад хочет стать... фермером. Он купил участок земли, поступил в университет на бакалавриат по земледелию и ботанике и мечтает открыть собственное хозяйство. В качестве доказательства серьезности своих намерений он продемонстрировал мне цветочную рассаду на своем балконе. Вот вам и еще один профессиональный вираж!

Как шифровался парамедик

– Саим, проводи меня, пожалуйста. Уже десять, кругом темно, мне страшно идти одной.

– Конечно.

До хостела было минут двадцать. Недалеко. Проблема в том, что идти нужно через деревню, в полной темноте. Занзибарская деревня – это череда каменных домов с цементными парапетами без какого-либо освещения. Фонарей нет ни на улице, ни во дворах. Нет света и в окнах: ощущение такое, что идешь по вымершему поселению. Все очень прозаично: электричество здесь непомерно дорогое, тратить его по вечерам на освещение невыгодно. Люди просто рано ложатся спать, чтобы утром пораньше встать. Восход здесь всегда в полседьмого утра, а закат – в полседьмого вечера, плюс-минус пятнадцать минут (это почти экватор). Вечером темнеет моментально: в семь часов уже крошечная тьма, а в десять тем более, как сейчас.

Саим бодро включил фонарик в мобильном: «Let's go».

– Расскажи о себе, Саим. Ты же из Индии?

– Да, из Дели.

– А как здесь оказался?

– Вообще-то я студент, и прямо сейчас я... как бы не здесь.

– О, это как?

– Я улетел из Индии в тот момент, когда началась новая волна локдаунов. Учимся мы сейчас только онлайн, а потому моего отъезда никто и не заметил. То есть не должен заметить.

– То есть ты каждый день посещаешь лекции и семинары?

– Ну да, онлайн.

– И никто не замечает, что ты вообще-то в Африке?

– Я старательно выбираю ракурсы для онлайн конференций, чтобы в кадр не попали местные жители и особенно океан.

– А на кого учишься?

– На парамедика. Но это было желание родителей, они платят за учебу. У меня же все связанное с медициной и особенно со скорой помощью вызывает панику.

– А как же..

– Я попрошусь на работу в министерство. У меня вообще-то OSD, тревожное расстройство психики.

– А тебе не страшно идти сейчас тут в полной темноте?

– Страшно, если честно. Но я же не мог тебя одну отпустить в эту темень.

Вот таким заботливым оказался «пакистанский террорист». Добрый, честный, застенчивый, благородный Саим. Сейчас он вернулся в Индию и заканчивает университет.

Француженка из Эфиопии

Однажды утром я увидела новое лицо. Высокая женщина в цветастой юбке сидела на каменной скамейке приемной и громко говорила по телефону на французском. Потом она повернулась ко мне и, медленно подбирая английские слова, произнесла:

– Простите, здесь рядом есть хороший пляж для купания?

– Конечно, нужно пройти метров сто. Я провожу Вас. Кстати, можем продолжить на французском.

– О, спасибо, какое облегчение. Терпеть не могу английский, хотя когда припрет – приходится говорить. Приятно познакомиться: Жоселин.

Ура! В нашем хостеле наконец-то появилась еще одна женщина, к тому же француженка. Я так люблю этот язык, его сладкое мурлыкающее звучание. Последний раз я говорила на нем лет восемь назад, когда летала на юг Франции смотреть на лавандовые поля. Что правда, то правда: от английского французы воротят нос.

– А я Елена. Вы тут надолго?

– Нет, удалось вырваться всего на несколько дней. Я работаю в Аддис-Абебе, оттуда на Занзибар летает прямой рейс, очень удобно. И давай уже на “ты”, – предлагает она. И на русском, и на французском переход на “ты” – это новый уровень доверия. Англичанам не понять.

– Ого, а как ты попала в Эфиопию?

– У меня был личный кризис после тяжелого развода. Мне хотелось уехать из Франции, а тут предложили работу во французском лицее в Аддис-Абебе. Я сразу и согласилась. Вот уже полгода там работаю. Там классно. Приезжай ко мне как-нибудь: у меня есть гостевая комната и матрас на полу.

Это было самое скоростное в моей жизни приглашение в гости. Да еще и в Эфиопию!

Все же мне очень повезло, что я здесь оказалась. В хостеле совсем другая публика, чем в отелях, совершенно иная глубина общения. Приехала я в хостел из чувства авантюризма, а обрела спокойствие, душевный комфорт и... свою “банду”. Хостел похож на портал, соединяющий людей одного порядка. Те, кто путешествует в одиночку, делают это не просто так. Соло-путешественники – это люди, переживающие какой-то жизненный кризис. Путешествие обнуляет твою прежнюю жизнь, связи, ожидания мира к тебе и твои ожидания к миру. Ты как будто видишь мир впервые и встречаешь людей, которых в обычной “прошлой” жизни никогда бы и не встретил. Тогда и пробиваются импульсы к новому. Растение, пересаженное в незнакомую почву в другой стране, остается по своей сути тем же растением, но может менять форму листьев или цвет лепестков. Никто не знает, каким это цветок был раньше, но в новой стране любая его идентичность воспринимается как норма. У путешественника как бы появляется фора: не надо никому объяснять,

почему ты «теперь» такой. Эта свобода ошеломляет.

Забор из пальмовых листьев

Удачный эксперимент с хостелом воодушевил меня на новый уровень авантюры: пожить немного в африканской деревне. Ломиться в дома местных жителей мне было неловко и страшно, зато в Букинге я заметила опцию homestay, то есть проживание в чьем-то доме. Отзывы были прекрасными, цена – тем более. «Решайся уже, всего на пару дней!» – сказал мне мой задорный внутренний голос.

«Куда ехать-то будем?» – таксист был озадачен: в указанной на карте точке находилась стихийная свалка, а вовсе не жилой дом.

«У нас есть телефон хозяина», – победно произнесла я. Пара звонков – и я уже шла по тропинке среди тонких пальм и серых каменных домов, волоча за собой свой фиолетовый чемоданчик. Я была уверена, что мы направляемся к одному из таких домов, но мы завернули за угол, прошли мимо овощной лавки и подошли к какому-то пыльному забору. Забор был из пальмовых веток, скрепленных пальмовыми же листьями на манер корзинки. Хлипкая калитка, выполненная в том же аутентичном стиле, зашаталась от моего прикосновения.

«А она закрывается?» – спросила я хозяина. Звали его Хассан.

«Конечно, вот же!» – гордо ответил Хассан и указал на

крошечный багажный замочек. Из недр штанов он извлёк микроскопический ключик: замок ему подчинился. Калитка бесшумно захлопнулась за мной: скрипеть она не могла, потому что крепилась на те же пальмовые листья. Я подумала, что и жить мне предстояло в шалаше из веток, но внутри плетеной ограды обнаружился каменный дом с двумя входами: по всей видимости, это был сельский мини-отель на два номера.

Дверь в комнату закрывалась на метровую ржавую щеколду. Она фиксировалась замочком, который явно был братом-близнецом висящего на калитке чуда. Площадь комнаты почти полностью занимала большая квадратная кровать с москитным пологом. Над ней крутился вентилятор, за стенкой я увидела изогнутую трубу душа. Окна без стёкол, но с решётками и москитными сетками: занзибарский стандарт. Ну, неплохо.

– Не забудьте запереть калитку и дверь на замок, когда будете уходить. Изнутри тоже запирайте. Завтра утром приготовлю вам завтрак!» – широко улыбнулся Хассан.

– А где вас найти, если что? Вдруг проблемы какие возникнут?

– Звоните! Я тут рядом живу. Кстати, за углом моя овощная лавка, там меня и найдете с восьми утра.

Он ушел. Закрывая за ним замочек калитки, я выглянула наружу: темно и пусто. На второй двери в доме висел замок: значит, соседей нет. Я одна в чужом доме посреди африкан-

ской деревни, защищенная травяной оградой, которую можно свалить мизинцем. Вдруг кто-то заберется ко мне? Как неуютно и страшно. Я так ждала этой тишины и уединения после шума города и даже хостела, а теперь сидела и нервно прислушивалась к малейшему звуку снаружи. Ветер раскачивал соседнюю пальму, и с нее периодически что-то падало на крышу, заставляя меня вздрагивать.

Жарко, душно. Надо мной трудился вентилятор, но прохлады не давал: он просто гонял по кругу раскаленный воздух. Москитный полог поглощал остатки ветра, и я лежала на кровати, горячая и липкая, и пыталась дышать почти жидкой атмосферой. Поскорее бы уснуть, чтобы встать пораньше и побежать к океану.

Я промучилась всю ночь, да так и не смогла уснуть от тревоги и жары. Под утро задремала, но уже в полшестого разбудили деревенские петухи, а потом и местные жители, которые громко обсуждали свои проблемы прямо у забора. Окна без стекол, все слышно.

Хассан утром приготовил мне вкуснейший завтрак: нежный омлет, тосты и свежие фрукты, все по стандартам отеля. В его лавке я купила авокадо размером с небольшую дыню и моментально съела всю его желтую мякоть ложкой, как мороженое. И все же оставаться здесь я не могла: мне было физически плохо и страшно, и я ничего не могла с этим поделать.

– Хассан, вы очень добры и внимательны, спасибо вам. Но

я, к сожалению, должна съехать.

– Что случилось?

– Я не могла спать, для меня здесь очень жарко. Одну ночь без сна я переживу, но дальше не смогу так. Простите меня.

Потом я уже узнала, что мое жилье было невероятно комфортным по сравнению с обычными условиями жизни в этой деревне. Далеко не у всех есть электричество и газ. Практически ни у кого нет душа: люди ополаскиваются ковшом из тазика. Примерно как это делаем мы, когда у нас отключают горячую воду. Было понятно, что этот homestay – дорогое вложение для Хассана, но таким образом он получал немного денег для своей семьи. Десять долларов в сутки – это всего лишь триста в месяц, не разгуляешься при таких доходах. Мне было очень жаль, что я расстраиваю его, но собственное здоровье и душевное спокойствие были важнее. Я достигла предела климатической и социальной адаптации. В тот же день я переехала в соседнюю гостиницу с кондиционером, где от души выпалась. Что ж, бывают и неудачные эксперименты.

Каменный Город: арабо-индийский замес

«Слушай, я завтра еду в Стоун Таун разбираться с банком. Могу подбросить тебя, раз уж беру машину. Ты говорила, у тебя там тоже дела.» – написал мне Саим.

Он был прав – я обещала Крису приехать на его концерт завтра вечером. Как удачно.

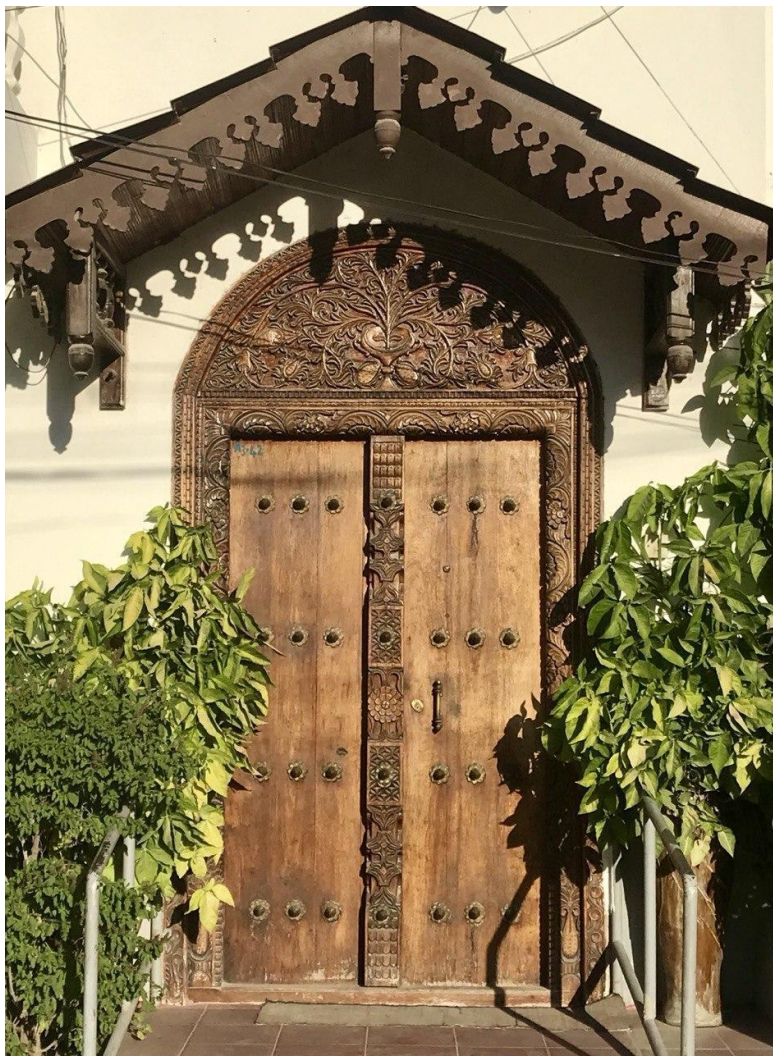
Стоун Таун – это английское название Каменного Города, а местные называют его просто «город», потому что все остальные поселения на острове – деревни. Вечером я иду на тот тот самый концерт в музыкальной академии ДСМА с Крисом и его флейтой, а пока можно исследовать окрестности.

Центр Каменного города – это сплетение змеек узеньких улиц. Они такие узкие, что пешеходы прижимаются к стене, чтобы пропустить урчащие мотоциклы, а для машин места вовсе нет. Справа и слева – торговые лавочки: плетёные сумки и шляпы, кожаные и пластиковые браслеты, деревянные маски, традиционные ткани китенге с безумными сочетаниями цветов.

На бетонной скамеечке сидит дедушка в белом мусульманском одеянии и продаёт рамбутаны, мохнатые красные ягоды на ветках. Вот эти маленькие букетики со следами плесени – по 3 тысячи шиллингов, а вот те солидные связки с крупными безупречными плодами – по пять. Здесь по три, а эти по пять – все логично, прямо как у Райкина. Беру «по пять»: связка переключивается в мой рюкзак и занимает ровно его половину. 150 рублей, даже смешно.

По улицам Стоун Тауна идешь, задрал голову: там показывают интереснейший замес арабской и индийской архитектуры. Недаром город входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Вот арабский дом: глухие стены, крошечные окошки. А это – индийский: широкий деревянный балкон с кружевной резьбой и цветами. Под ним вижу резную деревянную дверь с огромными металлическими шипами. Вот они, знаменитые занзибарские двери: только ради них можно приехать в Стоун Таун. Никакого практического смысла шипы на дверях не несут. Просто в далекой Индии (откуда пришла эта традиция) они защищали ворота от слонов. На Занзибаре же слонов нет. Сейчас красивая резная дверь – гордость владельцев домов и признак престижа, достатка.

Впереди главный туристический магнит этого города: дом, в котором жил Фредди Меркьюри (он же Фарух Булсара) задолго до того, как стал великим. Родился он в семье парсов из северной Индии, они были последователями зороастрийской религии. Фарух тоже был зороастрийцем, что не помешало ему учиться в христианской церковной школе Святого Петра: там принимали детей всех вероисповеданий. Интересно, что здесь, на Занзибаре, он не проявлял интереса к музыке. Свой первый бэнд он сформировал позже в Индии, куда поехал учиться. 18-летний Фарух вернулся на остров в 1963 году, но ненадолго. На острове случилась революция: султана свергли, а тысячи арабов и индусов подверглись преследованиям. Семья Булсара срочно покинула остров и переехала в Британию. На Занзибар Фредди больше не возвращался.

Пора обедать, а это в Стоун Тауне это целая проблема. Здешние рестораны – воплощение принципа “поле-поле” (неспешно). Даже если в заведении мало гостей, ждать свое блюдо придется почти час. Альтернативы чудовищно медленному сервису нет: вот бы найти аналог наших кофеен, где можно взять и напиток, и сэндвич. Не нашла таких. Хороший кофе я тоже не нашла, что само по себе странно: Танзания знаменита своими кофейными плантациями. Удивительный факт: даже в дорогих отелях на завтрак вы увидите банку растворимого кофе, а за качественным натуральным

эспрессо нужно идти... в итальянские рестораны и отели.

Как пройти к библиотеке (зачеркнуто) океану?

Я шагаю одна по узкой улочке и не понимаю, куда она меня ведет. Надеюсь, что к набережной, но мои сомнения усиливаются. Днем раньше я искала Старый Форт, а оказалась в гуще овощного рынка. Никуда не годится мой внутренний компас. Впереди вижу красивое пересечение линий строительных лесов и между ними – зелено-черный танзанийский флаг. Вот это кадр! Достая свой Canon, делаю несколько снимков и слышу шаги: сзади кто-то приближается. Краем глаза вижу мужчину.

«Не демонстрируй окружающим дорогие гаджеты, могут ограбить», – вспоминаю я предупреждение на одном из турфорумов. Шаги все ближе, на улице больше никого нет. Действую превентивно. Запихнув фотоаппарат в рюкзак, будто и не было его, резко поворачиваюсь к незнакомцу и иду ему навстречу.

– Простите, Вы не знаете, как пройти к океану? – говорит мой рот, а глаза сканируют его руки – он действительно собирается меня грабить?

– Я не местный, но дорогу туда знаю. Я проведу вас, – спокойно говорит парень. Не похож на грабителя, но кто знает!

– Я вообще-то юрист, и тут на Занзибаре в командировке по делам благотворительного фонда. А по первому образо-

ванию я историк. Готов удивить Вас парой фактов о Танзании!”.

– Удивляйте, – говорю ему, с облегчением замечая впереди знакомую набережную и сад Фородани с толпами людей. Тут я точно буду в безопасности. Мы садимся на белую каменную скамейку.

– Знаете ли вы, что у нас есть “немецкий” город? Вот буквально построенный немцами. И климат там прохладный, сейчас градусов 20 будет.

Я вытерла пот со лба (на Занзибаре жарко и влажно). Перспектива попасть в родную московскую погоду 2 градуса в экваториальной стране мне показалась занятной.

– Знаете ли вы, что город этот был построен для борьбы с мятежным вождем Мквавой, но именно Мквава их постоянно побеждал, пока не был предан и обезглавлен?

Мурашки любопытства. Говорите же название населенного пункта!

– Иринга – улыбается мой “не грабитель”.

Какое интересное название, подумала я. Звучит как ска-терть с оборочками.

– А водопады в тех краях есть?

– Самый большой водопад Танзании пойдет? 170 метров, на вершине горы. Это как раз по дороге в Ирингу. И про великую реку Руаху не забудьте. Если мечтаете увидеть жирафов – вам туда.

Парень, видимо, решил поразить меня в самое сердце. От-

куда он знал про мою тайную страсть к жирафам?

Я достаю из рюкзака планшет с закачанной на него картой Танзании (теперь мне уже не страшно показывать свои гаджеты) и ставлю булавки-метки на местах, которые мне называет незнакомец.

– Кстати, меня зовут Бусара, на суахили это значит “мудрость”. Хотя суахили – не мой родной язык, как и для большинства в этой стране.

– Разве не все танзанийцы с рождения говорят на суахили?” – я удивлена.

– Вовсе нет. У нас в Танзании более ста племён, столько же языков. Язык суахили объединяющий, его учат только в школе, как и английский. Так что каждый танзаниец, как правило, знает 3 языка: свой племенной, суахили и английский. Занзибарцам, правда, повезло: тут суахили является как раз “местным”, родным. Кстати, на суахили говорят в пяти странах, но именно занзибарский вариант языка принят за норму.

Скоро мы прощаемся: Бусаре предстоит какая-то встреча, а мне нужно на набережную, в академию Доу.

В шесть часов с копейками начинается закат, становится прохладнее, и занзибарцы выходят на променады вдоль океана.

На бетонном парапете начинается представление: местные мальчишки прыгают с него в океан, вытворяя немыслимые пируэты. Желających десятки – они ныряют, выплыва-

ют, забираются на парапет и снова кувыркаются в воздухе. Рядом на песочный пляж – тоже происходят атлетические и акробатические шоу: мальчишки стоят на руках, делают сальто и забираются друг другу на плечи. Стайки девочек в длинных платьях и мусульманских платках-накидках наблюдают за подвигами мальчиков. На закате в Стоун-Тауне обязательно надо быть на набережной – это особенное время.

Наконец, подхожу к дому с большим резным балконом. Мне сюда.

Что такое таараб и Доу?

Наверх ведут крутые каменные ступени. Настолько крутые, что моим не накачанным ногам удобнее забираться вверх бочком, как лыжами по крутому склону. Что я и делаю. Перед последней обоймой ступеней вижу начертанное на стене: Follow the music. А рядом для пущей убедительности нарисованы музыкальные ноты. Ну фоллоу так фоллоу – вздохнула я – и вышла на крышу. Только это не совсем крыша – скорее площадка, по периметру которой расположены классы музыкальной академии.

Тяжелые деревянные двери открыты, их них выстреливают звуки: отсюда барабаны, оттуда тоже барабаны, только африканские, в паузах между ними слышатся струны. Я иду дальше – и попадаю на огромный балкон с резной, почти кружевной “оторочкой”. На скамейке сидит юноша в длинном белом одеянии до пят и в белой шапочке с серебряными узорами. На коленях нечто похожее на миниатюрную арфу, повернутую набок. Или на гигантские металлические гусли. На кончиках его пальцев железные наперстки, он поддевает ими струны, и звучит что-то очень гармоничное. Это канун.

Я пришла сюда на концерт, а получилось, что на экскурсию. Концертный зал – проходная комната. Открываю дверь и попадаю на огромный балкон с видом на океан с лодками. На стене портрет женщины в рамочке. Sitti bint Saad: богиня

и легенда музыки таараб.

Эта академия – храм таараба. В 19 веке эту музыку привез на Занзибар султан Сеид Баргаш ибн Саид (тогда Занзибар был под властью султана). Он даже отправил занзибарско-го музыканта Мохаммеда Ибрагима в Египет учиться играть на кануне. Вернувшись тот образовал Занзибарский оркестр таараб. Кстати, слово «таараб» заимствовано из арабского. Оно значит «радоваться музыке».

Но самый большой вираж популярности этому стилю музыки принесла женщина. Женщинам тогда запрещалось играть в ансамблях и петь. Во дворце султана это контролировали, а в деревнях было не уследить. Певица Сити начала исполнять таараб по всей Танзании и первой в истории Восточной Африки записала пластинку. Причём, пела она не на арабском, а на народном суахили. Так этот жанр стал не просто популярным, но и “женским”.

В музыкальной академии Доу изучают как привычные нам инструменты (гитару, фортепиано), так и арабские. Тот самый арфообразный канун и пузатый, похожий на домру уд. Тут изучают традиционную музыку и международные форматы, джаз и фьюжн. Уникальность академии в том, что она сочетает африканские традиции с арабскими из стран Доу (куда входят страны Персидского залива, Коморские острова, Кувейт, Иран, ОАЭ и Индия). Вообще-то Доу – это традиционная местная лодка с парусом.

*Музыканты играют на кануне. Музыкальная академия
Доу. Март 2021*

Учатся здесь в основном африканцы. Для них обучение с сертификацией стоит около 500 долларов в год, а для иностранцев 800. Для меня загадка, каким образом местные ребята умудряются платить такую внушительную (по африканским меркам) сумму. Они с трудом зарабатывают 100-150 долларов в месяц, чтобы питаться и снимать жилье. Некоторых из них (самых талантливых и бедных) берут на учебу бесплатно, но это большая редкость. Учеба в Танзании – дорогое удовольствие. Дорога в вузы открыта только для тех, у кого есть богатые родители или стабильный высокий доход (музыканты к таким не относятся).

Но я жду концерта! В положенное время начала (20.00) на зеленых стульях сидит всего пять человек. Каждому выдают по официальному бумажному билету за 15 тысяч шиллингов (около 500 рублей). К микрофону выходит Крис в длинном желтом мусульманском одеянии. Сегодня он убрал свои длинную гриву из косичек под белую шапочку а-ля феска.

Звучит флейта и все замирают. Романтические мелодии перетекают в нечто зажигательное, так что я начинаю подпрыгивать на своем пластиковом стуле, а его ножки вибрируют и выстукивают мелодию по бетонному полу. Сидеть под такую музыку или безумие, или преступление, думаю я. Сканирую лица соседей в поиске сообщников для выхода на танцевальный пятак: все ерзают на своих стульях, хлопают, но мужественно держатся и не поддаются этому адскому соблазну.

Первыми на импровизированный танцпол выскочили двое африканцев: тот самый продавец билетов и укротитель кануна. Танцевали самозабвенно. Есть выражение “Танцуй так, будто никто не видит”. Вот только тут их видели все! Я не выдержала и выскочила на микротанцпол прямо босиком, а вслед со мной с визгом выбежала еще одна девушка и вытащила своего парня. Так мы и прыгали впятером. Остальным зрителям удалось таки удержаться. Африканцы очень раскрепощенные, ничто не может их заставить сидеть на месте и делать каменное лица, когда они слышат ритмичную музыку. А мы можем!

Все закончилось почти внезапно. Гости разошлись, а я подождала, пока ребята соберут и упакуют инструменты. Мы вышли на набережную – и попали в водоворот фуд-рынка Стоун-Тауна. На прилавках – шпакки с морскими гадами и рыбой, рядом разные виды лепешек. Тут же крутится большое колесо, которым управляет щуплый паренек. Это гигантская соковыжималка: парень запихивает в нее зеленые стебли и прокручивает их через пресс. По желобку в стакан стекает зеленоватая жидкость, похожая на раствор для полоскания горла, хлорфиллипт. Это же тростниковый сок! Пробую: необычный, как будто кто-то смешал газонную траву с сахаром.

Оглядываюсь на океан: совсем недавно на набережной кипела жизнь, а сейчас тут пусто. За парапетом – чёрное небо со звёздами, луна и ее блики в чёрной же воде. Чуть дальше

огни рыбацких лодок. Еще дальше – материковая Танзания. Интересно, долго ли туда добираться?

Красные булавки

Вернувшись домой, продолжаю думать о встрече с Бусарой. Эти чертовы красные булавки на карте буравят мое сознание.

На следующий день я уже пытаю Гугл запросами: “как добраться до Иринги, Удзунгвы и Руахи”. Все оказывается сложнее, чем я думала. Функционирующей железной дороги в стране фактически нет. Есть автобусы, которые ползут по 7-8 часов до каждого из пунктов и ни одного между ними. Стремно. Конечно, за эти две недели я стала авантюристкой, но не настолько бесстрашной, чтобы идти с чемоданом от автобусной остановки в поисках гостиницы. Мне очень неспокойно от самой мысли о путешествии по африканской провинции в одиночку. Что же мне делать?

Нервничаю. Пишу сообщение знакомому мне по соцсетям танзанийскому турагентству: «Помогите мне построить реалистичный и безопасный маршрут общественным транспортом, а то у меня ничего не стыкуется». Ребята думают и говорят: «А у вас и не получится состыковать, тут машина нужна. Но, вообще-то, у вас намечается нетривиальный маршрут, мы в эти места еще никого не возили. Давайте, мы вас сами провезем по всем этим местам и поедем вместе с вами? Заплатите по себестоимости, при этом у вас будет личное авто и компания из двух человек.»

О лучшем я и мечтать не могла. Вскоре я оказалась в танзанийской саванне, а потом и в тропических джунглях почти без интернета, но зато на личном джипе и в веселой компании африканцев.

Глава 2. Черная: прыжок в неизвестность

(Двумя месяцами раньше)

Калимба под датским флагом

Калимба! Мне подарили калимбу!

Я прыгала посреди офиса, как ребёнок. Коллеги российские, компания датская, а подарок – африканский. Вот чудо! Я быстро открыла упаковку и взяла в руки деревянную коробку с металлическими язычками. Задела один, потом другой, и в воздухе зазвучали нежные серебристые звуки, похожие на колокольчики. В офисе наступила тишина. Коллеги оглядывались и искали источник колокольного звона, а потом видели меня, встречались со мной взглядом и грустно улыбались.

Все знали: это мой последний день в компании. Я не раз испытывала неловкость, провожая коллег в свободное плавание. В такие минуты не знаешь, что сказать, потому что трудно поверить в конечность происходящего. Ещё вчера мы ехали в машине по Питеру и подбирали убийственные аргументы для переговоров. Ещё сегодня смеялись до слез, вспоминая эти самые переговоры. А завтра мы будем по разные стороны баррикады. Хотя о какой баррикаде идёт речь, мы же не враги и не конкуренты. Просто в душе странная смесь чувств: сожаление (уходит почти родной человек!), любопытство (что с ним будет дальше?), тревога (а вдруг человек не сам ушёл, а его «ушли»?), облегчение (я-то остаюсь в этом родном и знакомом, у меня все хорошо). Есть еще же-

ление сказать напоследок что-то тёплое и важное. Казалось бы, всегда есть повод для благодарности и добрых слов, но в ежедневной мясорубке дел благодарность становится бизнес-этикетом, а тепло – вежливостью. И только когда человек уходит, находишь в себе силы сказать искренне – о его уникальности, силе, таланте и важности, в конце концов. Эти откровения долго летят шлейфом и согревают на пути.

Интересно, что чувствовали уходящие до меня коллеги в свой последний день на работе? А в первый день «после»? А через неделю? Тогда я об этом не задумывалась, априори полагая, что любому будет достаточно пары недель, чтобы выдохнуть, выспаться, покайфовать от свободы и определиться с дальнейшими шагами.

Сейчас я замечаю в десятках глаз знакомые мне грусть, тревогу, облегчение, ту самую неловкость и все прекрасно понимаю. Слышу сказанные от сердца слова, вижу во взглядах незаданные вопросы. Простите меня, коллеги, что я ухожу. Чувствую вину, как будто я сбегаю и подвожу кого-то – первый раз за все эти годы. Недавно мы горячо обсуждали проекты и бюджеты на следующий год. Получился невозможно плотный план. Вы качали головами, но подмигивали мне: «Лена, да ладно, ну с тобой-то все вытянем! Не в первый же раз!» Вы еще не знали, что я не буду помогать вам «вытягивать» эти проекты. А я уже знала.

Я присмотрелась к подаренной мне калимбе: сбоку красовалась гравировка с фразой «Жизнь в лучшем свете» – рус-

ская версия корпоративного бренд-слогана «Bringing light to life». Фраза была написана... моим почерком. Когда-то давно в 2005 году в датской штаб-квартире объявили конкурс на лучший почерк для написания этого слогана. В Данию полетели анонимные образцы почерков доброй половины сотрудников офиса и родственников, и когда выбор пал на мою неидеальную каллиграфию, многие удивились. А я была просто шокирована. Оказалось, что датчане стремились не к идеальности, а к естественности. Я была польщена, поскольку еще со студенческих времён считала, что пишу, как курица лапой.

Моя калимба. Москва, декабрь 2020

Последние несколько лет мы эту фразу не использовали в рекламе, но девчонки где-то нашли мою подпись. Какие креативные умницы! Сейчас я вижу эти знакомые слова и вижу их новый смысл. Моя жизнь в лучшем свете... Какая она?

Калимба была сюрпризом только отчасти. Коллеги знали о моей страсти к музыке и новым инструментам. Три года ранее я принялась изучать гитару, за ней последовали африканские барабаны джембе, а потом и вовсе перешла на

ханг — такую металлическую кастрюлю в форме летающей тарелки с волшебным звуком. Калимбу я раньше видела издалека, но никогда на ней не играла. А теперь она моя.

На свой “дембель” я заказала 2 креативных торта у девушки-кондитера; с ягодным суфле и шоколадный. На ягодной «Ривьере» красовались два сердечка с лимонной начинкой. Шоколадный состоял из трех слоев и был невозможно нежным. Когда я несла их в офис, то представляла себе, как все налетят и съедят эти два сладких шедевра за двадцать секунд. В офисе было пусто и тихо: половина сотрудников работала из дома из-за карантина, остальные были на заседании Стратегического комитета, когда-то созданного по моей инициативе и теперь проходящего без меня.

День ушёл на простую логистику. Выгрузить из стола документы и бумаги, запихнуть ненужное в мусорное ведро, запихнуть нужное в красивые пакеты с собой. Затем подписать бумаги на увольнение, получить трудовую книжку и кучу чего-то еще, что я не понимала. Ко мне подошёл системный администратор и сухо сказал, что в три часа у меня отрубят доступ к корпоративной почте. Остался час, поэтому я села писать прощальное письмо всем сотрудникам, затем личные прощальные письма своим девочкам в команде, а затем еще и ставшим почти родными за 20 лет совместной работы коллегам в Данию, Польше и Венгрии. Они были в шоке, что я ухожу.

В последние 30 минут моего рабочего времени я успела

обсудить сценарий видеоролика по сравнению наших моделей окон с конкурентными. Вот такая у меня получилась лебединая песня и последний проект.

Выходя из офиса, я села в машину, погрузила все мешки с документами, цветы и пару чёрных туфель, которые неизменно хранила в офисе для переобувания. Я ехала домой с чувством онемения и опустошения, автоматически нажимая на педали и следя за светофорами. Когда я приехала домой и ввалилась со всеми этими мешками и цветами, уже не было желания и сил чем-то делиться с сыновьями. Я просто прошла к своей кровати и легла спать.

Датский бизнес в перестроечной России

Моя работа равнялась всей моей взрослой сознательной жизни. Я пришла сюда в девяностые, когда поиск работы был делом авантюрным. Это сейчас смотришь в “хедхантер” либо на сайты симпатичных тебе компаний и готовишь резюме под вакансию. А тогда в нужно было добыть в заморских отелях англоязычную газету Москоу Таймс, открыть последний разворот с объявлениями и просканировать предложения о работе от западных компаний. И только потом выслать им свое резюме по факсу, потому что электронной почты еще не было.

Помню, как подавала объявление в газету, но совершенно не помню его текста. Опыта работы у меня не было, зато за плечами был иняз с двумя иностранными языками, так что наверняка именно это я и стало моим главным посылом. В девяностые иностранные языки были ценнейшим капиталом. Никаких других бизнес навыков на постсоветском пространстве и быть не могло (поэтому западные компании изначально рассчитывали всему обучать с нуля своих сотрудников), а свободно говорящий на английском русский человек автоматически воспринимался как умный, образованный и достойный всяческого уважения и доверия.

В день размещения объявления я дисциплинированно

уселась на кухне рядом с телефоном – белым, с крутящимся циферблатом и клацающей трубкой. Мобильных телефонов еще и в помине не было, поэтому звонки от потенциальных работодателей нужно было отлавливать, находясь дома.

Первым звонок раздался уже в восемь утра: ко мне по-английски обращался человек с мощным ближневосточным акцентом. Его интересовало, смогу ли я зафрахтовать для него корабль в порту Санкт-Петербурга для вывоза курдских беженцев из Ирака. Пока я рисовала в воображении ожидаемые от меня серые логистические схемы, мне позвонили с предложением устроиться секретарем в банк или переводчиком для директора-голландца в одну известную сейчас (но малоизвестную тогда) сеть ресторанов.

Четвертый звонок прозвучал уже на следующее утро. На другом конце провода я услышала уверенный мужской голос с ритмичным, по-военному чеканным английским (позже я уже легко узнавала шведский акцент, а тогда мне это было в новинку). Каждое слово для меня звучало как что-то диковинное: roof windows, attic, marketing assistant и, наконец, Denmark. Я ничего не знала о Дании кроме того, что там когда-то жил Ганс Кристиан Андерсен, и что там говорят на датском языке, принадлежащем к германской языковой группе. Ещё меньше я понимала, что такое «окна для крыши» – и тем более что такое «мансарда» (как потом выяснилось, этого на тот момент не знал никто, кроме первых трёх нанятых сотрудников российского офиса ВЕЛЮКС)!

Но больше всего меня озадачило словосочетание “ассистент по маркетингу”. Я явно не тянула на такую специальность, да и слово “маркетинг” еще было не в ходу. В моей голове возникло минимум сто вопросов, но все они застряли в горле, поэтому я просто сказала, что мне это очень интересно, и что я хотела бы узнать об этом побольше.

Когда я одевалась на первое интервью с тем самым шведом, то и предположить не могла, что оно пройдёт в экстремальных условиях. На мне был шикарный деловой костюм с юбкой до колен и тончайшие колготки. Стоял февраль, на улице было -25С. До места встречи в кафе я добралась перебежками. Разговор за столиком был недолгим, и вскоре мой будущий босс предложил проехаться... по стройкам. Я с подумала о своих почти голых ногах, страшном морозе и сапогах на каблуках, но согласилась. Мы карабкались по шатающейся временной лестнице без перил все выше и выше, пока не оказались в захламлённом пространстве под скатной крышей. Сверху на нас падал свет. Над своей головой я заметила наклонные окна, сквозь которые было видно безоблачное синее небо. Таким оно бывает зимой в очень сильный мороз. В глазах шведа была гордость и восторг: ну как? «Красиво, мне очень нравится» – соврала я. Ничего эстетичного я не заметила. Самое большое впечатление на меня произвёл человек, который мне этот хаос показывал. В его интонации, словах и жестах звучали убежденность, уважение, вера, страсть и абсолютная честность. «Такой человек не мо-

жет работать с чем-то дурным. Надо выяснить, в чем смысл и прелесть этих странных окон.» – подумала я.

Так начался мой путь в датской компании, путь длиной в 27 лет. Я оказалась в маленькой команде миссионеров-первооткрывателей, которые все строили с нуля – и бизнес, и компанию, да и сам рынок. Не было до того момента в России ни традиции жить и работать под наклонной крышей, ни самого слова «мансарда» (ее часто путали с «Массандрой»). Не было и диковинной конструкции под названием «мансардное окно», а его назначение и пользу приходилось разъяснять покупателям и пять, и десять, и двадцать лет спустя. Другое дело Бельгия: там 4 из 5 жителей выросли в домах с такими окнами. А мы выросли в кубических квартирах, и прекрасное светлое пространство с окнами в небо можно было представить только глядя на фотографии или фильмы.

Бирюзовая организация наяву

«Похоже на секту» – говорили про нас. Слишком все счастливые, зажженные, активные, преданные, помогающие друг другу. Шутили, что у всех велюковцев была профессиональная болезнь – больная шея, потому что мы постоянно задирали голову, чтобы рассмотреть крыши зданий и проверить, есть ли на них заветные квадратики мансардных окон. А еще у нас были «системы» вместо отделов, и организационная структура напоминала то ли дырчатый сыр, то ли пузыри в аквариуме, а вовсе не блок-схему с квадратиками и линиями подчинения. Каждый пузырь отражал функцию, и поэтому каждый сотрудник мог работать сразу в нескольких «пузырях»: это было интересно для развития, потому что возможности для развития не ограничивались отделом.

Стратегия компании не писалась за закрытыми дверями и не пряталась от сотрудников. Они сами разрабатывали эту стратегию. Для этого существовали проектные группы, глубоко понимающие определённый сегмент рынка. Они делали исследование рынка, ставили цели, строили планы, отслеживали эффект и подкручивали формулу действий, и даже распоряжались собственным бюджетом.

Мы искренне считали, что самое главное в компании – люди. Процесс найма у нас всегда был долгим, многоэтапным, потому что искали родственную душу, всерьёз и на-

долго. Первый месяц свежее испеченным сотрудник бережно передавался по организации, как младенец. Его необходимо было посвятить в не только в стратегию и каждый процесс, но и дать ему проникнуться энергетикой организации и осознать себя ее частью. Обучения, ежемесячные и ежегодные развивающие встречи были для нас нормой. Только потом я узнала, что в других компаниях такие встречи были формальным отчетом и согласованием зарплаты. Сейчас наш подход назвали бы словом «осознанный», но недавно появился совсем другой термин, получивший большую популярность.

В 2014 году Фредерик Лалу написал книгу об «бирюзовых» организациях, похожих на живой организм, в которых сотрудникам даётся большая свобода в принятии решений, которые руководствуются целями и ценностями – и назвал их компаниями будущего. Волна «бирюзовых» организационных реформ прокатилась по инновационным компаниям, в том числе российским. Тема бирюзовых организаций была популярна на конференциях. Мы на них не выступали, хотя было чем похвалиться: эта философия управления к этому времени действовала у нас уже 20 лет, хотя мы и не называли ее никаким модным цветом. Хорошо еще, что сектой перестали называть!

Однажды (уже после увольнения) я попала на семинар о принципах построения бирюзовых организаций. На каждом слайде я кивала и говорила себе: ну да, я это знаю. И это. И

это. А когда увидела оргструктуру в виде круглого дырчатого сыра (где дырки – это “системы”, альтернатива департаментам), то даже хмыкнула. Такие кружочки я рисовала каждый раз, когда нужно было перепродумать функционал в подотчетном мне маркетинге и проектах. И я поняла, насколько передовой и продвинутой была философия управления моей экс-компанией, насколько глубокой, честной и порядочной была ее суть, сердцевина. Почему я столько лет проработала здесь, не поддаваясь на предложения хедхантеров переключиться на другие привлекательные должности с зарплатами минимум в два раза выше? Думаю, дело в том, что ценности компании пришли в мощный резонанс с моими, и в какой-то момент времени работа перестала быть для меня работой, а стала местом общения и совместного развития с единомышленниками. Первые пять лет я вбирала, жадно впитывала эти ценности, пробовала их на вкус, пыталась подобрать правильные слова о них, отвечая на вопросы друзей «Где ты работаешь?», «И как оно?». Последние пять-десять лет я была уже донором этих ценностей для новых сотрудников. Я узнавала себя в их ошалевших глазах «А что, так бывает?». Бывает. Поверьте мне, бывает. И когда ты пройдёшь через опыт такой истинности и человечности на работе, невозможно или невыносимо трудно будет адаптироваться к другому: к грубости, неуважению, авторитарности, недоверию, невежеству.

Наверное, поэтому вопрос ценностей стал для меня прин-

ципиальным. Спустя пару месяцев после увольнения я начала получать предложения о работе. Должности и материальные условия были выше крыши. Я навела справки о рабочей обстановке в новых компаниях, о полномочиях руководителей отделов, об отношении к сотрудникам. Услышав то, что я слышала, я даже не поехала на собеседования, поняв, что я не смогу перепрощить себя изнутри. Не смогу предать то, что для меня важно.

Точка невозврата

Я поняла, что устала. Работа в маркетинге – прекрасная, творческая, разнообразная, объединяющая, исследовательская. Работа руководителя – отдельное счастье. Я обожала наблюдать, как мои сотрудники растут, развиваются и в итоге становятся круче меня. Как классно было поручить коллеге проект и потом идеи, которые мне и в голову не пришли бы.

Осенью каждого года мы начинали готовить маркетинговый план на следующий год: я знала наизусть каждый слайд и была способна заполнить документ и левой пяткой. Это зажигало первый год, третий, пятый, даже десятый. Но когда я шла по одному и тому же самому кругу пятнадцатый, семнадцатый, двадцатый раз, это стало утомлять. Те же конкуренты, те же дилеры, те же выставки и мероприятия, те же темы обсуждений из года в год...

Я поняла, что хочу уйти из профессии, что хочу попробовать что-то новое, но не могла решиться уйти из компании. Энергия людей, общие ценности, вдохновение, чувство плеча не отпускали меня. Лояльность компании – прекрасное качество, но оно же может стать и самым большим ограничением для личного развития. Так говорила моя леди-босс Ольга. Она была права.

Однажды все обстоятельства и напасти мира сплелись в

один большой клубок шокирующих разочарований. В компанию пришел новый директор с иным, авторитарным стилем управления. Искрящаяся атмосфера компании сначала стала блекнуть, в ней стали появляться нотки непонимания, стресса и даже страха. Потом она и вовсе затухла, уступив место глухому недоумению и компромиссному молчанию.

Мои профессиональные достижения последних лет были обесценены, впрочем, как и достижения всей команды. Полномочия постепенно съезжились: теперь каждое решение, каждую мелочь, даже цвет букв на наклейках, мне нужно было согласовывать с начальником. Вместо планов появились спонтанные идеи и решения.

А потом на мир напал ковид, началась пандемия и локдаун. Все перешли на дистанционную работу и изо всех сил пытались спасти продажи, сидя за экраном ноутбуков. С закрытием офиса работы стало в разы больше. Если раньше полевые сотрудники четыре рабочих дня из пяти были заняты посещением клиентов истроек, то теперь вся энергия уходила на генерацию идей по маркетингу. Реализация этих идей ожидалась от нашей команды, которая работала в сокращенном составе. Мы тонули в заданиях и переписке. Я сидела перед экраном компьютера с 9 утра до 11 вечера, прерываясь только на еду и чай. Это были два месяца ежедневного 14-часового рабочего дня на фоне гнетущей атмосферы недоверия.

Мое тело болело от стресса, а душа была волком. Каж-

дое утро я нажимала на компьютере кнопку “войти” и говорила себе: ну, продержись еще один день. Каждая новое задание казалось мне неподъемным и вызывало у меня ненависть. Работа съедала и опустошала меня.

Дело было не только в нагрузке. Всем своим нутром я понимала: я больше не хочу делать то, что делала до сих пор. Совсем не хочу, до тошноты и жжения в сердце. Никакого строительного рынка. Никаких мотивационных программ для партнёров. Никаких УТП продукта. Я плакала два месяца, понимая, что больше так не могу. А как могу и хочу – не знала.

Где-то глубоко во мне поселился вирус свободы, новизны, творчества. В какой-то момент времени он размножился во всем моем организме, и остановить его было невозможно. Я жгуче хотела перемен.

Однажды перед сном я схватила ярко-розовую клейкую бумажку post-it, черкнула на ней несколько слов и легла спать. Утром я свернула ее вчетверо и спрятала в паспорт. С тех пор она много раз попадалась мне на глаза. Я ее вынимала, разворачивала, перекладывала, но не выбрасывала. Нет, только не ее. Однажды я даже нашла ее на дне рюкзака, с которым путешествовала по Африке. Моим летящим по-черком, синим по розовому, было начертано:

«Хочу успеть прожить еще одну жизнь: в новом месте, делая то, что мне по сердцу, с людьми, близкими мне по духу и ценностям».

Проститься...

Я зашла в кабинет директора с тетрадью, где были четко расписаны причины моего увольнения и варианты моего дальнейшего сотрудничества с компанией. Накануне я долго репетировала этот разговор, а с утра делала дыхательные упражнения, чтобы добавить себе решительности и спокойствия.

Все пошло иначе. Вместо заготовленной речи я успела сказать только это: «Этот год был для меня тяжелым. Невыносимым. Я не смогу дальше работать. Я хочу уволиться до конца этого года. Давайте обсудим, как это сделать наиболее ответственным образом, чтобы моя команда и компания в целом не пострадали.» Директор слушал, молчал и смотрел мне в глаза, а я... я просто зарыдала. Все напряжение этих месяцев и недель полилось через эти непрошенные, постыдные слезы. Я пыталась сдержать их глубоким дыханием, но они никак не останавливались. Офис представлял собой стеклянный “аквариум”, и мой эмоциональный демарш мог быть замечен любым сотрудником офиса.

Начальник повел себя как настоящий джентльмен. Повернув мой стул спиной к стеклянной стене, он добыл пачку салфеток и поставил их под мои ручки. Минут через двадцать я успокоилась и озвучила гнусавым от слез голосом предложения по дальнейшим шагам. Мы решили, что тщательно

спланируем мой уход, что проинформируем об этом сотрудников через месяц: сначала мою команду, затем руководителей других департаментов, а затем и весь коллектив. С этой встречи я вышла опустошенной и потому легкой. Впереди у меня было еще два месяца работы, но теперь они казались мне посильными: моя мучительная ситуация получила разрешение. Скоро моя двадцатилетняя бизнес-карьера в датском раю закончится. Теперь нужно достойно завершить работу, дать себе время прийти в себя и двигаться дальше. Куда именно, я себе не представляла и не хотела представлять. Главное – вырваться, говорила я себе.

Свобода свежееобретенная

В первый день своей официальной свободы от корпоративной работы я проснулась в девять утра, без будильника. Не было ни эйфории, ни окрыленности – скорее чувство подвешенности и неопределенности. Оделась и пошла гулять. Иду по улице медленно, ритмично, вдыхаю и выдыхаю морозный воздух: как странно, рабочий день, а я вот иду непонятно куда и зачем. И работать не нужно, и ничего другого делать не хочу, и расслабиться не могу, внутри все кипит.

Зашла в грузинское кафе. Как раз в середине дня у них бизнес-ланч, на который я никогда не попадала, потому что была в офисе. Мне принесли салат из свеклы с козьим сыром и куриный суп. Вкуса я почти не чувствовала, просто механически жевала и слушала приятную песню на французском. Получила сообщение от Гали-психолога: она задумала новый тренинг и хотела обсудить со мной, как вкуснее его подать. Мы разобрали идеи, набросали ассоциации. Осталось сочинить само послание. «Мне все понятно, Галь, я сегодня набросаю мысли и вышлю тебе, хорошо?» Поймала себя на том, что говорю через силу, имитируя воодушевление. Как будто я не я вовсе.

Калимба! Внезапно вспомнила я о подарке коллег. Ищу в интернете мастер-классы по по африканской калимбе: оказывается, этот в Москве и Питере есть фан-клубы этого ин-

струмента, и у них есть группы в соцсетях. В онлайн продаже невероятное разнообразие размеров и форм: калимбы привозят из Африки и Китая, а некоторые даже изготавливают здесь.

Вычислить главного гуру-калимбиста нашей страны было несложно: его именем были подписаны все статьи с обзорами калимб, а на видео он делал тест-драйв свежеприбывших инструментов и комментировал нюансы их звучания. Отважно пишу ему, что мне срочно нужен мастер-класс по калимбе. Например, завтра, зажмурившись, добавляю я. На следующий день я уже бежала со своей деревянной коробочкой на встречу с Петром. Оказалось, что если дергать язычки от центра поочередно справа и слева, то получается вполне приличная гамма, а если играть по клавишам, отмеченным красным цветом, соблюдая специальную схему, то можно извлечь красивую серебристую мелодию. Петр взял с меня обещание заниматься на калимбе хотя бы пять минут в день, и я в тот момент была уверена, что буду музицировать каждый день. В следующий раз я взяла в руки калимбу через месяц.

Вечером того же дня я пошла на репетицию со своим рок-бэндом. Мы играли вместе чуть больше года, а репетировали раз в неделю. Все мы были глубокими “чайниками” в музыке. Познакомились мы в музыкальной школе для взрослых, где учились играть каждый на своем: я на гитаре, Макс на клавишных, второй Макс на басу, а Андрей на ударных. Всех

нас объединял профи Никита. Будучи уже признанным асом в классической гитаре, он решился попробовать себя в альтернативной ипостаси лидера рок-бэнда. Наш отвязный репертуар был полной противоположностью классике. Думаю, именно это его и зацепило. В тот день мы работали над мистической Aerials от System of the Down. Густой мощный звук, жесткий ритм, вокал на два голоса – энергия этой музыки вводила меня в транс, заряжая и опустошая меня одновременно. Опустошала я обычно мозг, а заряжала сердце. В этот день мое сердце никак не заряжалось, а мозг начал паниковать и торопить хозяйку причинить неминуемую пользу своему будущему и бежать. Неважно куда.

Спасла меня от этой напасти живая суфийская музыка. Действо проходило в уютной чайной студии, оформленной всеми атрибутами практик осознанности: пестрые платки и подушки, фигурки Будды и Ганеши, ароматические свечи, колокольчики и гонги. Я сидела прямо на полу на парчовой подушке, а в двух метрах от меня пела индийская флейта бансури, мелодично квакали барабаны табла и плоские колокола и создавали в воздухе непредсказуемые музыкальные кружева. И чтобы за ними уследить, пришлось мозгу быть «в моменте». Два часа гармонии.

Как запускается страх

На третий день я захотела продолжить терапию музыкой и записалась на урок вокала. Почему именно сегодня, ведь я не была на вокале больше года? В чем срочность? Я не могла ответить на этот вопрос, внутри зудело желание куда-то бежать и что-то делать, чтобы приглушить растущее внутреннее беспокойство. Пришлось записаться к первому попавшемуся свободному преподавателю, ее звали Алина, и я ее не знала.

– Что поем сегодня? – спросила она.

– “Halleluja” и “More than words”.

Эксперимент получился неудачным. Голос звучал напряженно, я почти каркала. Алина явно расстроилась, а я еще больше: есть музыка, есть любимые песни, а радости нет. Терапия не сработала.

Я выбежала на улицу: было холодно и промозгло, но у меня была назначена встреча с Машей. Когда-то она приходила на собеседование на вакансию в мой отдел. Была она умна и прекрасна, но слишком крута для той должности. Так сложилось, что мы продолжили общение и стали приятельницами.

– А ты молодцом прямо. Не колбасит еще?

– Вроде нет, – бодро говорю я, – вот на вокал ходила сегодня.

– Знаешь, я помню, в какой прострации была, когда потеряла работу. И как ужасно было оставаться без работы и дохода целый год. Помню, подруга позвала встретиться в центре, а я молча подсчитала метро туда-обратно, стоимость кофе – и поняла, что эти 200 рублей мне сейчас нужнее, чтобы купить еды себе и дочери.

– Но у тебя же были клиенты онлайн?

– У меня был ступор, я не решалась просить деньги за консультации и сессии – клиенты платили столько, сколько могли. Провела несколько сессий без оплаты, одна принесла мне тысячу, после еще одной мне на карту упали аж 5 тысяч. Представляешь? Это ж бюджет на целую неделю!

Я слушала и понимала: никогда в жизни я не попадала в ситуацию, когда у меня не было денег. Да и вообще, разве 5 тысяч рублей – это деньги? Я могла себе позволить потратить такую сумму на тайский ойл-массаж или на новые красные штаны – просто чтобы поднять себе настроение. Финансовая стабильность была частью моей корпоративной работы. За все годы работы зарплату ни разу не задержали. Я знала, что 1го и 15го числа каждого месяца мне на счет упадут деньги. Что бы я ни делала в течение дня, какими бы ни были результаты (а ведь были пустые, неудачные или ненапряжные дни, когда мне нужно было провести пару веселых совещаний), я все равно получала зарплату.

Я не была готова даже к возможности безденежья и к тому, что деньги нужно ежедневно, ежечасно зарабатывать и

экономить. А что, если я однажды тоже буду мучительно думать, могу ли я себе позволить потратить 200 рублей? Что если у меня не будет клиентов, заказов, проектов – ну вот просто не будет по какой-то причине? Что если у меня не будет сил или здоровья таких клиентов искать? Работая в офисе, я не думала, хочу я идти на работу ли нет – это было ежедневной данностью.

Я сжалась в точку. Мне стало страшно. Дома я открыла ноутбук и создала простую таблицу для учета расходов. С этого момента я начала вносить туда все траты со дня увольнения. Страх безденежья (при том, что на счету были хорошие накопления) парализовал меня. Меня обуяло желание экономить буквально на всем: вплоть до того, что предпочитала шаурму за 180 рублей в ближайшей забегаловке вместо полноценного бизнес-ланча за 350. О покупке новой одежды или обуви я даже не думала.

Спустя пару месяцев я проанализировала структуру своих расходов. Оказалось, мне было достаточно ровно половины той суммы, которую тратила раньше. При этом львиная доля этих расходов шла на мастер-классы, курсы, книги и разные виды обучения. Получалось, что я могу выжить на одну шестую своего прежнего дохода, а когда-то мне казалось сложным откладывать даже 20% с зарплаты!

Сейчас я понимаю, что выбранный мной режим выживания и экономии до изнеможения был ошибочным. Вместо того, чтобы множить силы, радость и спокойствие, я напол-

няла свой внутренний сосуд тем самым гремучим паническим киселем. Сейчас я бы сделала ровно наоборот – позволила себе лучшую еду, похвалила себя за то, что подготовила для себя хорошую подушку безопасности, что заслужила хорошее отношение к себе. Я бы заботилась о себе, а не душила себя искусственными ограничениями. Но тогда я еще не знала того, что знаю сейчас.

Чёрная пустота вместо крыльев

И вот я лежу, свернувшись калачиком под одеялом. Все внимание – на дыхании. Когда я отталкиваю от себя живот вместе с диафрагмой, я чувствую, как внутрь затекает воздух. Много воздуха. Так много, что болят ребра и почему-то лопатки. Сдувая эти меха, я гоню волну в руки до самых кончиков, в ноги до самых пяток, и дрожь в теле немного утихает. Я знаю, что это ненадолго.

У меня ощущение, что я сжимаюсь в маленькую серую точку. Точка эта дрожит и похожа на кисель. Внутри этого киселя растворены паника, жажда немедленной бурной деятельности и бессилие. Меня распирает от желания бежать, искать, узнавать, учиться, работать, решать. Не так важно что именно, главное срочно. Тело мое отказывается подчиняться этим порывам и саботирует даже еду и сон. Вместо «я свободна» в голову приходит «Я одна, ничего не могу, ничего не хочу, не могу даже собраться, чтобы сделать хоть что-то для своего будущего». Хочется ухватиться за чью-то руку, соломинку, ветку, – но я одна, а внутри пустота.

Когда нервный серый кисель заполнил меня в первый раз, под мою горячую руку и неумно горящий мозг попал компьютер. За пару часов поисков на просторах сети я зарегистрировалась на десятки вебинаров по радикально несочетаемым темам. От секретов видеомонтажа до вокальной тех-

ники белтинга. Венцом моих панических изысканий стала покупка двух курсов – по креативной фотографии и по маркетингу в соцсетях.

В тот же день на стене появились самодельные графики-дэшборды. Раньше я делала такие в офисе для наглядной визуализации статистики по сайту. На дэшбордах перечислила столбиком все подлежащие изучению курсы и вебинары. Отдельно я выписала список полезных книг по бизнесу и саморазвитию. 10 книг, которые нужно было прочитать за два месяца – у меня же много свободного времени.

Красные линии показывают прогресс в прохождении курса или источника, от 0 до 100%. Из графиков следует, что я одновременно взяла «на грудь» 15 источников самообразования. И только по трём из них красная ниточка продвинулась вправо. Остальные издевательски стоят на нуле, наглядно показывая мне, как далека я от экспертности по любому из направлений. Выглядит как дэшборд неудачницы (причём, перегруженной неудачницы с полным отсутствием фокуса внимания и приоритетов).

Познакомьтесь. Я – пожирательница книг и вебинаров. Как это произошло? Незаметно и стремительно. Вакуум, образовавшийся на месте ежедневной интенсивной работы, потянул меня срочно бежать, учиться, заполнять пустоту.

Сначала я набросала возможные векторы развития. Затем сделала ревизию своих навыков. Осознала пропасть между желаемым и действительным. Оказалось, что по самым же-

ланным векторам у меня нет ни опыта, ни навыков. Их можно получить, проштудировать те самые онлайн курсы. Много курсов. А где-то нужно и новое полноценное образование получать, но когда, где? У меня же нет времени!

Знания и навыки, которые я наработала за двадцать лет работы с датчанами, мне казались совершенно бесполезными. Ведь относились они к работе маркетолога строительных материалов, а теперь и строительство, и материалы, и сам по себе маркетинг и его элементы вызывали у меня стойкое отвращение. Один из купленных курсов был по SMM и лично-му бренду. Я уговорила себя, что это очень нужно и без этого никак. Прослушала первые лекции, взялась за упражнения. Нужно было сформулировать свою ценность и уникальность, а потом описать свои целевые аудитории. Элементарные для бывшего маркетолога задания, но они привели меня в тупик: какова моя ценность и уникальность вне той профессии, от которой я невыносимо устала? О какой целевой аудитории мне писать, если из одной индустрии я ушла, а в новую не вошла? В В чем еще я хороша? Чем еще я ценна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.